

Милли Арда

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЭДДИ ДИККЕНСА

СМЕРТЕЛЬНЫЙ
НОМЕР

• РОСМЭН •

V

Смешные и нелепые приключения
Эдди Диккенса продолжаются!

Великий иллюзионист Дзуккини
демонстрирует Смертельный номер,
в который волею случая втянуты
и обитатели Беспросветного Тупика.

Безумный Дядя Джек командует
бестолковыми отставными солдатами.

На голову Еще Более Безумной Тети
Мод с неба падает девушка с лицом
верблюда. Эдди идет на дело с безлыми
каторжниками. Семья Диккенсов гонится
за преступником на воздушном шаре,
а чучело горностая по кличке Малькольм
спасает ему жизнь.

Обо всем этом и о многом другом
читайте во второй книге трилогии.

ISBN 5-353-01331-X

9 785353 013310

Миллз Арда

Смертельный номер

Приключения
Эдди Диккенса
Книга 2

Перевод
И. Н. Фридмана

Иллюстрации
Дейвида Робертса

МОСКВА • РОСМЭН • 2003

ББК 84(4Вел)
А79

Philip Ardagh
DREADFUL ACTS

© *Philip Ardagh, 2001*

Illustrations © David Roberts, 2001

*Published by arrangement
with Faber and Faber Ltd.*

*Наш адрес в Интернете: **www.rosman.ru***

ISBN 5-353-01331-X

© ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2003

Письмо от автора, который вас любит

«Смертельный номер» — это продолжение «Беспросветного Тупика», в котором Эдди Диккенс (и ряд других персонажей, с которыми вы встретитесь на этих страницах) впервые предстал перед читающей публикой. Для того чтобы понять смысл происходящего в этой книге, не обязательно быть знакомым с «Беспросветным Тупиком»: эту историю можно читать и отдельно, она, если можно так выразиться, стоит на собственных ногах. Кроме всего прочего, я не уверен, что в «Беспросветном Тупи-

ке» было так уж много смысла. Если вы получите удовольствие, читая эту книгу, расскажите об этом всем своим друзьям и знакомым. А если книга вам не понравится, то, будьте добры, оставьте свое пристрастное и никому не интересное мнение при себе.

Заранее благодарю

Филип Арда

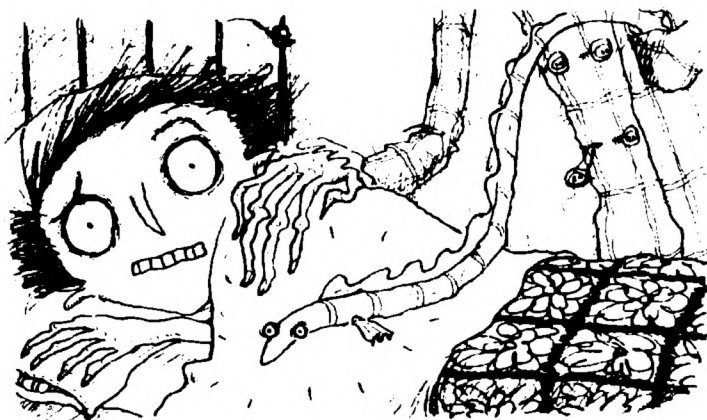
Англия

Итак, мы снова начинаем

Эпизод 1,

в котором «Шииииииииииш...»
превращается в «БАБАААААХ!»

Эдди Диккенс проснулся внезапно и тут же содрогнулся от ужаса. Это был шок. Рядом с ним извивался электрический угорь, вывалившийся из верхнего кармана сюртука его двоюродного дедушки. Когда имеешь дело с электричеством, трудно избежать шока.

Эдди сел в постели.

— Что случилось, Безумный Дядя Джек? — спросил он, поскольку именно так звали склонившегося над ним человека, самого тощего и крючконосого из всех джентльменов. Безумный Дядя Джек

был худ как щепка, а его носу мог бы позавидовать самый длинноклювый попугай.

— Вставай, и поживее! — скомандовал двоюродный дедушка Эдди, выпрямившись и тут же уткнувшись своей высокой шляпой в кран висевшей на стене газовой лампы. В утре, может быть, и имелось электричество, но в доме, который носил название «Беспросветный Тупик», его не было.

Мальчика не пришлось просить дважды. Простейший способ избавиться от угря — это вскочить с кровати. Так он и поступил.

Эдди жил в Беспросветном Тупике со своими родителями, а также с двоюродным дедушкой Джеком и двоюродной бабушкой Безумной Тетей Мод. Если вы хотите узнать, как получилось, что они стали жить вместе после целого ряда приключений, потрясающих, а иногда и леденящих кровь (уж можете мне поверить), то вам придется прочитать первую книгу этой трилогии под — вас ждет сюрприз — тем же названием: «Беспросветный Тупик».

Итак, на чем мы остановились? Ах, да: на электрическом угре. Эдди Диккенс вскочил с кровати, а высокая шляпа его

Почему бы мальчику было так не подумать? Ведь его двоюродный дедушка был форменным сумасшедшим. Борясь с зевотой, Эдди наспех натянул на себя одежду.

— Быстрее! — проскрежетал зубами его дедушка.

Он не умел скрежетать собственными зубами и поэтому всегда носил с собой — специально для этой цели — запасные челюсти в кармане, куда насыпал немного песка. Но Безумный Дядя Джек хранил это, с позволения сказать, приспособление в боковом, а не в верхнем кармане сюртука. Вот почему на его внучатого племянника упал угорь, а не одобренные песком челюсти для скрежетания.

Тусклый свет раннего утра проникал в комнату сквозь венецианское окно. Венецианские окна, как правило, большие, и из них приятно любоваться пейзажем. Однако, если вы смотрите на улицу из венецианского окна, это не значит, что вы увидите Венецию. Если, конечно, вы не в Венеции. Но если вы в Венеции, то увидеть ее можно и из обыкновенного окна.

Из окна комнаты Эдди был виден дом Безумного Дяди Джека, имевший форму развесистого дерева. Дом был сложен из вяленой рыбы, опрысканной креозотом.

Креозот защищал дом в виде дерева не только от плохой погоды, но и от соседских котов (которым нравился запах и вкус вяленой рыбы, но совсем не нравился запах и вкус креозота). Можете себе представить, как смотрелся дом в виде дерева в розовых лучах раннего утра. В нем было что-то *лососевое*. Именно так, я нашел нужное слово: лососевое.

Эдди Диккенс, все еще полусонный (если скудные математические познания меня не подводят, это значит, что его с равным правом можно было бы назвать и полубодрствующим), последовал за Безумным Дядей Джеком вниз по лестнице. Он пару раз споткнулся и был на грани падения, но ухитрился удержаться на ногах.

Окна нижнего этажа занавешивались на ночь тяжелыми бархатными портьерами, и в прихожей было темно, хоть глаз выколи. Мне бы не хотелось, чтобы вы поняли меня слишком буквально: никто не собирается выкалывать вам — или кому-нибудь другому — глаза. Это всего лишь фигура речи, при помощи которой можно передать смысл выражения «очень-очень темно», используя четырнадцать букв вместо пятнадцати... если, конечно, вам не придется потом

объяснять, что вы имели в виду, как это пришлось сделать мне.

Безумный Дядя Джек нащупал входную дверь, врезавшись в нее. Преимущество человека с длинным носом состоит в том, что он нащупывает дверь намного раньше, чем подходит к ней вплотную; это позволяет ему уберечь от травм остальные части тела.

— Ууууф! — сказал он.

Это универсальный возглас, издаваемый людьми, врезающимися в дверь, если, конечно, они врезаются в нее не носком. Я имею в виду носок ботинка. В этом случае универсальный возглас звучит иначе: «Ай-ай-ай-ай!!!!» (Вы можете по своему усмотрению выбрать количество восклицательных знаков, подходящих к тому или иному случаю.)

— С вами все в порядке? — спросил Эдди, непроизвольно зажмурившись от утреннего света, хлынувшего в дом после того, как его двоюродный дедушка распахнул дверь.

— У нас нет времени на пустяки, мой мальчик, — отозвался Безумный Дядя Джек. Из его клю... — извините, носа — текла кровь.

Если из венецианского окна, выходившего во двор, был виден дом дяди Джека

в виде дерева, то из парадной двери открывался вид на покрытую гравием подъездную дорожку, на которой удобно было проводить парады (иначе с какой стати эту дверь стали бы называть парадной?). В то утро посреди дорожки стоял застекленный катафалк.

В те стародавние времена катафалки служили для той же цели, для которой они служат и сейчас. Они предназначены для перевозки гроба с мертвым телом из пункта А в пункт Б (при условии, что вы действительно *хотите* переместить гроб из пункта А в пункт Б; но если хорошенько попросить, его могут перевезти

и из пункта А в пункт Я). Разница в том, что нынешние катафалки — это сверкающие глянцем черные автомобили, которые во времена Эдди Диккенса еще не были изобретены. По этой причине тогдашние катафалки представляли собой экипажи, запряженные парой черных лошадей с плюмажами из черных перьев. Кучеру катафалка тоже было положено одеваться во все черное.

Лошади выглядели норовистыми и очень возбужденными: они беспокойно пофыркивали, перебирали копытами и смотрели на мир выпученными от испуга глазами. Их бока лоснились от пота.

Безумный Дядя Джек уже скрипел по гравию подошвами своих башмаков. Эдди едва поспевал за ним.

— Что случилось? — недоумевал он. — Кто... кто умер?

— Твои родители преспокойно спят наверху, а Безумная Тетя Мод благополучно поживает в брюхе у Марджори, — заверил мальчика Безумный Дядя Джек.

Вы не знаете, кто такая Марджори? Так звали стоявшую в саду Беспросветного Тупика громадную карнавальную корову из фанеры, внутри которой жила двоюродная бабушка Эдди. Если вам не понят-

но, почему она там жила, пусть это вас не беспокоит. Незнание всех предшествующих обстоятельств не мешает вам получить удовольствие от книжки.

— Я проснулся от ржания испуганных лошадей, — пояснил Безумный Дядя Джек, — и вот что предстало перед моими глазами — застекленный катафалк без кучера.

— И вы разбудили меня специально для того, чтобы показать мне эту штуковину? — спросил Эдди, нервно поеживаясь. Если эти лошади сдвинутся с места, гроб упадет с катафалка и, неровен час, откроется. И как знать, что или *кто* вывалится из него на землю?

— Да, мой мальчик. Я не хочу, чтобы твоя двоюродная бабушка увидела эту невеселую картину. Она чувствительная натура. И твоим родителям нужно хорошо выспаться перед трудным грядущим днем. Я уверен, что ты, с твоим богатым опытом управления лошадьми, без особого труда отгонишь катафалк куда-нибудь подальше — с глаз долой.

— Но я никогда в жизни не управлял лошадьми, — терпеливо пояснил Эдди Диккенс. Если живешь с Безумным Дядей Джеком и Безумной Тетей Мод, приходится сдерживать себя и учиться терпению.

— Значит, ты лгал мне все эти годы, Эдмунд? — сурово проговорил двоюродный дедушка. — В следующий раз ты скажешь, что никогда не сражался вместе с полковником Марли при Обрыве святого Геобада.

— Я думаю, вы меня с кем-то путаете, — предположил Эдди. — Мне только тринадцать лет. Почти.

Безумный Дядя Джек нахмурился:

— Ты хочешь сказать, что никогда не управлял лошадьми?

Эдди покачал головой.

— И никогда не сражался вместе с полковником Марли при Обрыве святого Геобада?

— Нет, сэр, — ответил Эдди. — Я вообще в первый раз слышу об этом Обрыве святого Геобада.

— Я тоже, — сказал Безумный Дядя Джек. — Так что нет смысла углубляться в обсуждение этого вопроса.

— Возможно, это был не обрыв, а водопад? — высказал предположение Эдди.

— На мой вкус, имя святого Геобада звучит довольно нелепо применительно к водопаду, мой мальчик. Скажу больше — абсурдно! Признаться, меня одолевают сомнения, не идет ли речь о *церкви* святого Геобада?

— О церкви над обрывом? — в свою очередь усомнился Эдди. — С какой стати полковнику Марли взбрело бы в голову дать сражение возле церкви над обрывом?

— Хороший вопрос! — воскликнул двоюродный дедушка Эдди. — Поздравляю! Но, может быть, имеется в виду не сражение над обрывом, а прорыв в сражении?

Но тут одна из запряженных в катафалк лошадей фыркнула и заржала, у нее из ноздрей повалил пар. Она вовремя дала о себе знать, потому что Безумный Дядя Джек и его внучатый племянник настолько увлеклись обсуждением деяний славного полковника Марли, что едва не забыли о катафалке.

— Как бы то ни было, раз уж ты здесь, мой мальчик, — сказал Безумный Дядя Джек, — я бы хотел, чтобы ты придержал лошадей, пока я буду заталкивать гроб в катафалк: он того и гляди свалится, и тогда с ним греха не оберешься.

Эдди предпочел бы, чтобы лошадьми занялся его двоюродный дедушка, а он сам — гробом, норовившим соскользнуть с задней кромки катафалка. Он знал из прочитанных книг — таких, как «Затоптанный лошадьми» и «Конь-Огонь», —

что возбужденные лошади запросто могут лягнуть незнакомого человека, который ни с того ни с сего берется их успокаивать. Но, по правде сказать, Безумный Дядя Джек был намного сильнее его. И ему действительно было бы легче затолкнуть гроб на место. Так что мальчик не стал спорить.

— Хорошие лошадки... милые, послушные лошадки, — проговорил Эдди тем тоном, каким некоторые люди говорят, склоняясь над колыбелью младенца: «Ну разве у него не мамины глазки?» (От себя замечу, что если бы у младенца действительно были мамины глазки, то его мама завопила бы во все горло и вызвала бы детского психопатолога, полицию и «скорую помощь» в надежде заполучить свои глаза обратно.)

Эдди сделал шаг вперед. Гравий под его подошвами заскрипел. Обе лошади уставились на него своими выпученными глазами. Они напомнили Эдди стеклянные глаза чучела горносталя Малькольма, любимца Безумной Тети Мод.

Мальчик сделал еще один шаг вперед.
Скрип-скрип.

Глаза лошадей расширились еще сильнее; они стали бы еще более безумными, если бы это было возможно. Тут уже не

Малькольм... Теперь их глаза напоминали Эдди глаза самой Безумной Тети Мод.
Скрип.

Одна из лошадей заржала.

Эдди пошарил в карманах брюк. В одном из них оказалась морковка, в другом — горстка кускового сахара. «Но это очевидная авторская подтасовка, — скажете вы. — Рояль в кустах, да и только». Действительно, велика ли вероятность того, что у вас в кармане окажется морковка и сахар, когда вам понадобится наладить отношения с парой испуганных лошадей, запряженных в катафалк? Однако в случае с Эдди она была почти стопроцентной!

Дело в том, что кусковой сахар казался маме Эдди — миссис Диккенс (или «этой милой миссис Диккенс», как говорили о ней друзья) — одним из самых впечатляющих достижений современной науки и техники, хотя он был введен в обращение где-то около 1790 года. Для нее кусковой сахар оставался одним из многочисленных чудес цивилизации — таких, например, как газовое освещение. Больше никаких свечей и канделябров! Просто поворачиваешь кран, зажигаешь газ, и — ура! — вспыхивает свет!!! (Утыкаешься в кран своей высокой шляпой, не зажигаешь газ, и — после «Шшшшшшшшшшшшшшшшшшшшшш...» — рано или поздно раздается взрыв.) Сахар-рафинад в красивых, почти совершенных по форме кубиках. Как его делают? Бог его знает. Почему его делают? Потому что могут! Это не просто сахар, а воплощенная мечта! Мама Эдди любила всякие такие «современные штучки», и кусковой сахар, безусловно, относился к этой категории вещей. Поэтому она настояла на том, чтобы Эдди повсюду носил с собой горстку сахара.

Морковка предназначалась для более практической цели. Мистер Диккенс — папа Эдди — считал, что мальчик возра-

ста его сына должен всегда иметь при себе нож для защиты и очинки. Но миссис Диккенс опасалась, что Эдди поранится ножом, и в конце концов в этом деле был найден компромисс: вместо ножа мальчик станет носить с собой для защиты и очинки морковку. Эдди знал, что спорить с родителями бесполезно. Кроме всего прочего, у него не было такого чувства, что он нуждается в защите (ведь он, как вы помните — если, конечно, читали предыдущую книгу, — организовал массовый побег из сиротского приюта); к тому же он понятия не имел, что такое «очинка». (Не сомневаюсь, что среди вас найдутся умники, способные очинить карандаш... при помощи точилки.)

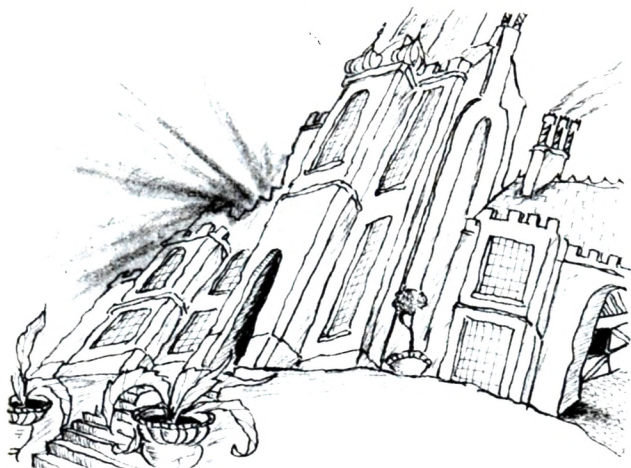
Лошади учуяли запах сахара и морковки и стали гораздо более благодушными на вид. Эдди, в свою очередь, почувствовал себя куда более уверенно: похрустывая башмаками по гравию, он подошел к лошадям вплотную и стал кормить нервных животных лакомствами, похлопывая их по мордам и бормоча ласковые слова, которые должны были, по его мнению, их задобрить.

К его величайшему изумлению, Безумный Дядя Джек тоже успешно выполнил возложенные им на себя обязанности, то

БАБААААХ!

Эпизод 2,
в котором у кого-то (или чего-то)
поехала крышка

Возьмите самую спокойную в мире лошадь — и она не устоит на месте при взрыве, даже если у нее полон рот моркови и кускового сахара. Если же учесть, что пара лошадей с черными плюмажами пребывала в возбужденном состоянии еще до «БАБААААХа», то дальнейшее развитие событий нетрудно предсказать. Лошади понесли, таща за собой катафалк.

У Безумного Дяди Джека не хватило времени на то, чтобы закрыть на защелку заднюю дверцу экипажа, и гроб вывалил-

ся из катафалка, как нерешительное ядро из пушки, в которую недоложили пороха.

Гроб стукнулся о гравий, но, к величайшей радости Эдди, не раскрылся. Все это произошло за считанные секунды, но их хватило для того, чтобы мальчик оценил ситуацию и принял решение. Он бросил гроб на произвол судьбы и со всех ног помчался к дому — посмотреть, не нуждается ли кто-нибудь в помощи.

Мама Эдди спускалась по лестнице с выражением задумчивости на лице и с остатками ночного колпака своего мужа в руке.

— Что случилось, мама? — спросил Эдди, подбегая к ней и помогая сесть в кресло. — С тобой все в порядке? Где папа?

Миссис Диккенс показала на свои уши. Безумный Дядя Джек понял ее так, что мистер Диккенс находится у нее в ушах, но Эдди рассудил более здраво. Его мама имела в виду, что она его не слышит. Должно быть, «БАБААААХ» плохо сказался на ее слухе.

— ПО-ДО-ЖДИ МЕ-НЯ ЗДЕСЬ, — проговорил Эдди очень громко и очень медленно, по слогам; затем он ринулся вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, — нужно было как можно быстрее найти папу.

Когда мальчик подбежал к родительской спальне, расположенной рядом с его комнатой (точнее говоря, когда он подбежал к тому, что осталось от того, что раньше было спальней его родителей, рядом с которой должна была находиться его комната), он обнаружил... он увидел... Видите ли, довольно трудно описать, что он там увидел.

Перед ним была картина полного разгрома. Все разбросано. Ни одна из находившихся в комнате вещей не уцелела. Обломки стульев, куски столов и гардеробов, осколки цветочных горшков. Ошметки, обрывки, клочки неизвестно чего. Осколки кусков и ошметки обрывков... И тапка. Папина тапка, над которой клубилась струйка дыма, — плохой знак. Там, где раньше была наружная стена, ничего не оказалось (так что трудно сказать, где происходило дело — внутри или снаружи) — ничего, кроме огромной дыры, через которую можно было увидеть задний двор и утреннее небо.

И тут раздался стук. Не тот тяжелый стук, с каким гроб упал на гравий подъездной дорожки. Это был скорее министук — едва слышный шлепок упавшей откуда-то сверху неприкуренной сигары.

Эдди задрал голову. Там, где раньше был потолок, виднелись балки стропил, на которых держалась крыша. На одной из балок, как большой ребенок на конек-качалке, сидел мистер Диккенс в ночной рубашке.

Эдди охватило чувство восторга, его сердце радостно забилося. Все, что произошло, не имело значения. Главное, его отец был жив!

— Это просто чудо! — закричал Эдди во все горло. — Просто чудо!

Хотя мистер Диккенс был оглушен взрывом не меньше, чем его заботливая жена, он расслышал громоподобный возглас сына.

Если не считать частичной потери слуха (я не теряю надежды, что она окажется временной), мистер Диккенс был цел и невредим. Мало того, как явствует из его последних глубокомысленных замечаний, отец Эдди полностью сохранил свойственную ему ясность ума.

Тут на пороге того, что можно было бы назвать дверью, если бы уцелела внутренняя стена, появилась Безумная Тетя Мод.

— Вот видите! — воскликнула она, гневно сверкая глазами. — Что я вам говорила?! Ведь я предупреждала, что эти разгульные вечеринки не доведут вас до добра!

Никто из Диккенсов не понял, что она имела в виду, — мистер Диккенс потому, что не расслышал ни слова из того, что она сказала, а Эдди потому, что и не ждал услышать от своей двоюродной бабушки что-нибудь путное. Безумная Тетя Мод исчезла так же внезапно, как и появилась.

Только впоследствии Эдди осознал, что это был тот редчайший случай, когда ему удалось увидеть свою двоюродную бабушку без ее неизменного спутника — неподвижного горносталя Малькольма.

Мистер Диккенс спустился в прихожую, и счастливые супруги воссоединились! Поскольку миссис Диккенс ничего не слышала и не могла задрать голову настолько, чтобы увидеть мужа верхом на балке стропил, она решила, что мистера Диккенса разорвало на куски. Что может быть лучше перед завтраком, чем обнаружить своего мужа живым и здоровым? Последовали поцелуи и объятия. Даже и в наше время неудобно наблюдать за родителями, когда они занимаются подобными вещами; что уж тогда говорить о тогдашних переживаниях Эдди? Мальчик не придумал ничего лучшего, как выйти из дому, чтобы оставить родителей в прихожей наедине с их счастьем.

Он наткнулся на Безумного Дядю Джека, который отдавал распоряжения слугам — бывшим солдатам, служившим под его командованием во время какой-то из давно забытых войн. Им было приказано убрать мусор и ликвидировать беспор-

рядок. Эдди предложил дать им дополнительное распоряжение: не зажигать спички и не разводить огонь, пока не будут отремонтированы поврежденные в результате взрыва газовые трубы.

Безумный Дядя Джек с восхищением посмотрел на своего внучатого племянника.

— Теперь я понимаю, почему полковник Марли был рад, что ты оказался у него под рукой во время битвы при Обрыве святого Геобада, мой мальчик! — воскликнул он, сияя от гордости.

Эдди хотел было возразить, но по зрелом размышлении счел за лучшее промолчать.

Тут между ними вклинилась Безумная Тетя Мод.

— Я предупреждала, что все эти гулянки закончатся слезами, — пробормотала она и заковыляла по направлению к восточной части Беспросветного Тупика, где находилась Марджори, ее полая корова.

— Где Малькольм, Безумный Дядя Джек? — спросил Эдди.

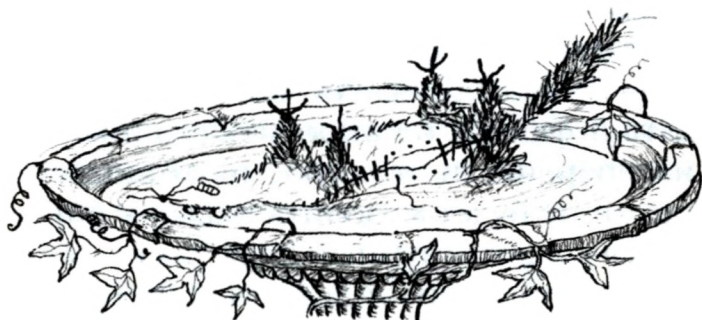
— Малькольм?

— Ее горностаи.

— Мне всегда казалось, что ее горностаи зовут Салли, — сказал Безумный

Дядя Джек, в очередной раз допуская характерную для него ошибку, если, конечно, права была Безумная Тетя Мод, которая постоянно называла горностая Малькольмом. — А не она ли это?

С этими словами он показал на каменную купальню для птиц, стоявшую на довольно высоком пьедестале. В купальне плавал на спине Малькольм. Приходится признать, что это было странное во всех отношениях утро.

Убедившись, что при взрыве никто серьезно не пострадал, и расслабившись в связи с этим от напряжения, Безумный Дядя Джек и Эдди переключили внимание на гроб, в одиночестве лежавший посреди подъездной дорожки.

— Как зовут скромного джентльмена твоего отца? — спросил Дядя Джек.

— Доукинс, — ответил Эдди.

Лакей мистера Диккенса Доукинс переехал в Беспросветный Тупик с Эдди и его родителями, а также с несостоявшейся горничной по имени Бормотунья Джейн.

— А мне кажется, что его зовут Дафна, — сказал Безумный Дядя Джек и попытался нахмуриться, но его лицо оказалось слишком худым для того, чтобы на нем поместились морщины.

— Папе тоже так кажется, — сообщил дедушке Эдди. — Возможно, у него вы и позаимствовали эту идею.

— В таком случае не мог бы ты отыскать Доукинса и попросить его помочь нам перенести этот гроб на конюшню, где он не будет мозолить глаза? — обратился к Эдди Безумный Дядя Джек. — Кто знает, что произойдет с твоей бедной матушкой или моей дорогой женушкой, если они случайно наткнутся на такую вещь, как гроб? Тем более после всех этих утренних событий...

Эдди был восхищен не только ясностью ума своего двоюродного дедушки, но и его благородством: Безумный Дядя Джек заботился о чувствах своих близких и нисколько не переживал по поводу порчи своей собственности. Вскоре мальчик вернулся в сопровождении До-

укинса. Будучи вышколенным джентльменом (хотя и скромным), тот и глазом не моргнул, получив несколько необычное распоряжение — помочь перенести гроб на конюшню.

Только после того, как гроб был установлен на куче соломы, Эдди смог улучшить минутку, чтобы прочесть надпись на небольшой медной табличке, прикрепленной к крышке гроба при помощи четырех небольших медных шурупчиков. На табличке не были указаны даты рождения и смерти; на ней значилось только имя — но необычное. Оно больше напоминало титул какой-нибудь важной особы. Короче говоря, на табличке было начертано:

ВЕЛИКИЙ ДЗУККИНИ

Эдди был уверен, что уже слышал это имя. Кажется, оно было как-то связано с мороженым...

В то благословенное время, когда люди еще не сумели поставить себе на службу электричество, у них не было холодильников (я предоставляю вам возможность пораскинуть мозгами и ответить почему), и по этой причине мороженое — гастрономическую новинку,

пользовавшуюся необычайным спросом, — приходилось привозить из Италии. Его продавали только в больших городах торговцы-итальянцы, которые держали лакомство в передвижных лотках, заполненных большими глыбами льда. Продавцы мороженого нередко надписывали свое имя на лотках. Вот Эдди и показалось, что он видел имя Дзуккини на одном из таких лотков. А может быть, где-нибудь в другом месте — скажем, на фургоне мясника...

Эдди так напряг память в надежде установить, где он слышал или видел слова «Великий Дзуккини», что поначалу не придавал значения раздававшемуся где-то поблизости скрипу. Но вскоре ему пришлось обратить на этот звук самое пристальное внимание. Потому что он доносился со стороны...

Скрипел гроб. Точнее, его крышка. Скрипела крышка гроба, которую кто-то пытался открыть *изнутри*.

Э́й вы там, наверху!

Эпизод 3,

*в котором на Безумную Тетю Мод
падает с неба летающий объект*

Человек, который сидел в гробу, не выглядел таким уж мертвым. Эдди с удивлением признался себе, что он был несколько *разочарован* тем, что на плечах у обитателя гроба оказалась голова, а не голый череп с беззубым ртом. По правде говоря, сидевший в гробу человек сильно смахивал на мистера Коллинза, который держал лавку скобяных товаров. У него была такая же — совершенно круглая — голова с жалкими остатками волос и сверкающие глаза.

Похоже, обитатель гроба очень удивился, увидев перед собой Эдди.

— Где я нахожусь? — спросил он. — Где публика? Где мистер Скиллет и мистер Пригожий? Где моя Даниэлла?

Эдди не имел ни малейшего понятия, о ком он спрашивал.

— Вы на конюшне Беспросветного Тупика, сэр, — вежливо сообщил он.

— Беспросветного чего? — переспросил человек, похожий на мистера Коллинза. Он не выглядел ни «великим», ни даже итальянцем.

— Беспросветного Тупика, сэр, — сказал Эдди. — Это дом семьи Диккенсов... Меня зовут Эдди Диккенс.

Он протянул руку. Человек из гроба пожал ее.

— Я Великий Дзуккини, — представился Великий Дзуккини.

— Вы не мертвы, не так ли? — поинтересовался Эдди. Почувствовав, как глупо прозвучал его вопрос, он добавил: — Я имею в виду: вы не считали себя мертвым?

— С какой стати я стал бы считать себя мертвым? — спросил его в ответ Великий Дзуккини, свешивая ноги через край гроба и выбираясь на солому.

— Меня смутили некоторые признаки, — пояснил Эдди. — Например, тот факт, что вы оказались в гробу, на кото-

ром написано ваше имя, а гроб — на катафалке.

Человек, похожий на мистера Коллинза, одобрительно кивнул головой:

— Вы очень наблюдательны, молодой человек. Я понял, на что вы намекаете. Нет, я лег в этот гроб абсолютно живым и собирался выйти из него определенным образом, но, как видите, все получилось иначе. К несчастью, вместо того чтобы появиться перед восторженной публикой, осыпающей меня градом аплодисментов и цветов, я оказываюсь в частной конюшне перед аудиторией, состоящей из одного человека.

Слово «аудитория» вызвала у Эдди не совсем приятные воспоминания. Однажды ему довелось столкнуться на жизненном пути с человеком по имени Памблснук — актером-импресарио бродячей труппы, — который не причинил мальчику ничего, кроме Горя с большой буквы (впрочем, я всегда произношу это слово с большой буквы).

— Вы, случайно, не странствующий актер, сэр? — спросил Эдди, стараясь (по правде говоря, без особого успеха) не выказывать своего отношения к людям этой профессии слишком уж явно.

Человек из гроба резко вскочил на ноги. Сейчас он выглядел еще менее «великим» и еще более похожим на забавного мистера Коллинза, торговца скобяными товарами. Эдди заметил, что жалкие остатки волос, которые еще красовались на голове у Великого Дзуккини — по редкому пучочку над каждым из ушей, — были выкрашены в черный цвет, насыщенности которого позавидовал бы и самый жгучий брюнет. Если уж говорить начистоту, слово «красить» является для данного случая слишком сильным: по резкому запаху ваксы Эдди определил, что волосы человека из гроба были не столько «накрашенными», сколько «начищенными» (ведь вы не «красите» свои ботинки черной ваксой, а «начищаете» их, не так ли?). Между тем Великий Дзуккини прямо-таки затрясся от негодования.

— Если хочешь знать, я НЕ странствующий актер, — заявил он; у него был вид человека, оскорбленного в лучших чувствах.

— Я не хотел вас обидеть, сэр, — заверил его Эдди. — Просто мне хотелось бы понять, что вы делали в гробу, упавшем с катафалка.

— А мне хотелось бы понять, как я очутился здесь, на конюшне, — сказал Великий Дзуккини.

— Мой двоюродный дедушка разбудил меня сегодня в шесть часов утра, чтобы сказать, что он обнаружил катафалк на подъездной дорожке к нашему дому, — сообщил Эдди. — Хотя он спит в своем доме-дереве на заднем дворе, у него настолько хороший слух, что его, по-видимому, разбудил цокот копыт по гравию. Экипаж был без кучера — во всяком случае, к тому времени, когда я его увидел. А ваш гроб свесился с заднего края катафалка и мог упасть в любую минуту.

— Твой дядя спит в доме-дереве? — любопытствовал собеседник мальчика.

— Да, — подтвердил Эдди; он уже пожалел, что упомянул об этом обстоятельстве. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы его семья была нормальной. Он мысленно зарекся рассказывать Велико-

му Дзуккини про Безумную Тетю Мод, которая жила в полой корове Марджори.

— Значит, мой катафалк оказался у вас на подъездной дорожке без кучера?

— Да, — сказал Эдди.

Он вывел Великого Дзуккини из конюшни, и они подошли к тому месту, где стоял катафалк, когда Эдди впервые его увидел.

— А где катафалк сейчас? — спросил Великий Дзуккини.

Стоя с ним рядом, Эдди обнаружил, что этот человек ничуть не выше его ростом.

— Видите ли, в доме произошел взрыв...

— В доме-дереве?

— Нет, в главном доме...

— Взрыв?

— Да. Лошади слышали его и испугались, и ваш гроб вывалился из катафалка, и мы перенесли его — в смысле вас — на конюшню. Вот так все и получилось, — объяснил Эдди.

— Да, влипли мы с вами в историю, мистер Эдди Диккенс, — сказал Великий Дзуккини и похлопал мальчика по спине.

— Мне хотелось бы, сэр, чтобы вы тоже кое-что мне объяснили, — попросил Эдди, когда они зашагали к парадной двери дома. — Ведь вам наверняка известно больше, чем мне.

— Я иллюзионист, мой мальчик. Ты понимаешь, что это значит?

— Что-то вроде фокусника в цирке? Когда из рукавов вылетают голуби, а девушек разрезают пополам? — высказал предположение Эдди.

— Фокусник — это фокусник, — усмехнулся Великий Дзуккини. — А иллюзионист — это иллюзионист, тем более специализирующийся на эскапологии.

Когда человек из гроба усмехнулся, он стал так похож на мистера Коллинза, торговца скобяными изделиями, что Эдди не удивился бы, если бы он попытался сейчас продать ему коробочку шурупов или новую лопату для угольной печи, потому что такого рода торговцы обычно пытаются всучить вам именно этот товар. (Если уж совсем начистоту, я и сам не вполне уверен, что понимаю значение слова «скобяной».)

— Иллюзионист-эскаполог — это профессионал в деле освобождения, точнее; самовысвобождения из любого замкнутого пространства, — пояснил он.

— Однажды я освободился из сиротского приюта, — с гордостью сообщил Эдди. — Могу ли я после этого считать себя профессиональным эскапологом?

— Тебе за это заплатили? — спросил Великий Дзуккини.

Эдди покачал головой.

— В таком случае, боюсь, что нет, — сказал человек из гроба. — Я, например, зарабатываю эскапологией на кусок хлеба. Освободиться может каждый. Вспомни хотя бы о тех беглых преступниках, которые скрываются где-то поблизости на болоте. — Он посмотрел в сторону болота, непринужденно вводя в повествование ключевые слова и вовремя обращая на них внимание читателя. (Надеюсь, вы запомнили эти слова. Если нет, мне не трудно их повторить. БО-ЛО-ТО. БЕГ-ЛЫ-Е ПРЕ-СТУП-НИ-КИ. Теперь запомнили? Ну и отлично... Как будто вы могли забыть картинку на обложке этой книги! Мне очень нравится, как они на ней нарисованы...) — Искусство эскаполога состоит в том, чтобы освободиться из какого-то необыкновенного узилища оригинальным образом перед публикой, заплатившей за это зрелище деньги.

В эту минуту рядом с домом появился Безумный Дядя Джек. Он подошел к пьедесталу и вытащил неподвижного горноста из купальни для птиц.

— Твоя двоюродная бабушка соскучилась по Салли, — сказал он, глядя на Эдди. — Она у себя, в корове. Отнеси ей, пожалуйста, эту горностаиху. — Тут Безумный Дядя Джек заметил Великого Дзуккини и сказал: — Здравствуйте, мистер Коллинз. С каких это пор торговцы скобяными товарами приносят их на дом? Это что, новая услуга?

Иллюзионист-эскаполог заметно смутился.

— Вы меня с кем-то спутали, сэр, — сказал он.

— Не думаю, мистер Коллинз, — стоял на своем Безумный Дядя Джек. — Я узнал бы вас где угодно. По волосам.

— Но у меня нет волос, — заметил Великий Дзуккини. — Во всяком случае, их очень мало.

— Вот именно, мистер Коллинз! Вот именно! — воскликнул Безумный Дядя Джек с таким видом, будто он выдвинул неопровержимое доказательство своей правоты.

С этими словами он сунул промокшего насквозь горностаю Малькольма в руки Эдди и направился к дому.

Держа горностаю за жесткий хвост, Эдди глядел, как вода стекает с носа зверька на гравий: *кап-кап-кап*.

— Насколько я понимаю, это твой двоюродный дедушка? — спросил Великий Дзуккини.

— Да, сэр, — подтвердил Эдди.

— Человек, который живет в доме-дереве?

— Да, сэр.

— А кто такая Салли? — спросил Великий Дзуккини, глядя на Малькольма вытаращенными глазами.

— Это компаньон моей двоюродной бабушки, — попытался объяснить Эдди. — Чучело горноста.

— Он больше напоминает мне хорька, — сказал иллюзионист. — У горностаев носы не такие острые.

— Может быть, это чучело изготовил человек, который никогда не видел горностаев? — предположил Эдди. Ему не нравилась тема разговора: он не любил обсуждать странности своих родственников (я уверен, что и вам знакомо это чувство). Желая переменить тему, Эдди

сказал: — Вы начали рассказывать о профессии иллюзиониста-эскаполога.

— Действительно, — согласился Великий Дзуккини, следуя за Эдди, который, в последний раз встряхнув Малькольма, обошел дом сбоку и двинулся по направлению к полрой корове Марджори. — Я специализируюсь на Избавлениях от Смертельной Опасности, или на Смертельных номерах. Так, собственно говоря, и называется мое передвижное эскапологическое шоу. Я смотрю в глаза смерти в любых ее проявлениях: освобождаюсь от опасности, подстерегающей человека в бассейне с плотоядными морскими хищниками; спасаюсь из дупла на верхушке охваченного огнем дерева... Но поистине великий аттракцион, который привел меня к вашему дому, называется «Возвращение с того света, или Восставший из ада». Скажу без лишней скромности: неплохое название. Это поистине Смертельный номер. Мистер Пригожий предложил назвать его «Побег из лап Смерти», но это, на мой вкус, слабовато.

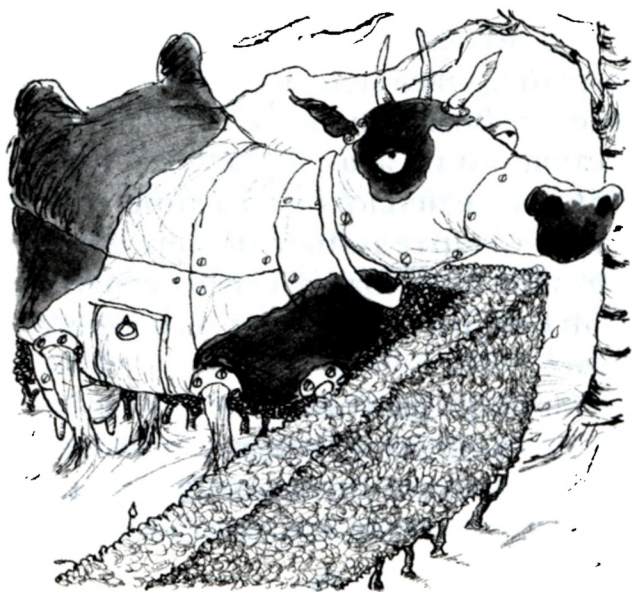
— Мистер Пригожий?

— Это мой импресарио, или менеджер, — пояснил Великий Дзуккини. — Хороший специалист, хотя нельзя ска-

зять, что он достиг большого успеха в организации последнего аттракциона. Что делать: и на старуху бывает проруха.

— А что должно было произойти? — поинтересовался Эдди.

Пройдя по узкой тропинке между клумбами с розами, они вышли на лужайку, откуда открылся вид на всю заднюю часть двора. Иллюзионист-эскаполог (очень похожий на мистера Коллинза, торговца скобяными товарами), незнакомый с необычными предпочтениями Безумной Тети Мод по части жилищных условий, был удивлен, когда увидел гигантскую корову, расположившуюся среди цветущих розовых кустов.

— А задумано было вот что, — приступил к объяснениям Великий Дзуккини. — Моя ассистентка Даниэлла должна была связать меня по рукам и ногам, заткнуть мне рот кляпом и с помощью мистера Скиллета положить меня в гроб, который предполагалось закрыть крышкой при помощи шурупов и затем поставить на заднюю площадку катафалка. Мистеру Скиллету предстояло после этого занять место кучера и тронуться в путь на очень маленькой скорости — с тем чтобы публика без особого напряжения поспевала за экипажем пешком, пополняя свои ряды за счет окрестных зевак и прочих встречных и поперечных, которых должна была привлечь столь необычная похоронная процессия.

Увлеченные беседой, Эдди и его спутник достигли задней части коровы, где располагалось отверстие, из которого выглянула женщина с бледным лицом и безумными глазами. Увидев, что Эдди принес Малькольма, она выхватила горностая у него из рук и стала гладить зверька по переносице, между глазками-пуговками.

— Малькольм удачно искупался? Надеюсь, он получил удовольствие от ванны? — спросила она у Эдди; но не успела

Безумная Тетя Мод дожидаться ответа, как ее блуждающий взгляд наткнулся на Великого Дзуккини. — Кажется, я вас знаю, — обратилась нему Тетя Мод резким голосом, способным обратить в бегство целую армию хорошо вооруженных барсуков.

— Некоторые находят во мне сходство с неким мистером Коллинзом, — вздохнул иллюзионист.

— Торговцем скобяными товарами?

— Вроде как, — сказал он.

— Но это же абсурд! — воскликнула Безумная Тетя Мод. — Просто курам на смех! У мистера Коллинза длинные свисающие уши и косматая шерсть. А у вас, напротив, самые заурядные уши и практически нет волос, не говоря уже о шерсти. До чего только не додумаются!

— Судя по вашему описанию, вы имели в виду не самого мистера Коллинза, а его кокер-спаниеля, тетя Мод, — поспешно уточнил Эдди.

— Как бы то ни было, я вас откуда-то знаю, у меня нет в этом ни малейшего сомнения, — заявила двоюродная бабушка Эдди, пристально вглядываясь в его спутника.

— Увидимся позже, тетя Мод! — сказал Эдди с натужной бодростью. — Он взял

иллюзиониста за локоть и повел его обратно к дому. — Я уверен, она не хотела вас обидеть.

— Надеюсь, — мрачно отозвался Великий Дзуккини.

— Пожалуйста, расскажите, что было дальше, — попросил Эдди. — Меня очень заинтересовала ваша история.

— По плану меня должны были привезти на большую лужайку рядом с церковью святого Ботольфа...

— Вот эта церковь, — взволнованно прервал его Эдди, указывая на видневшийся в отдалении шпиль церкви, который возвышался над кронами деревьев.

— Согласно замыслу, мое Великое освобождение должно было произойти неподалеку от церкви. Близость храма создает подходящую для подобного события атмосферу, — пояснил Великий Дзуккини. — Но закопать меня в священную землю церковного кладбища было бы кощунством.

— Вас должны были закопать... в землю? — выдавил из себя Эдди.

— Таков был план. Даниэлла и мистер Скиллет должны были опустить гроб в яму, засыпать его землей и затем установить ширму вокруг места моего временного погребения. Предполагалось, что

большие часы начнут отсчитывать время, которое потребуется мне, связанному по рукам и ногам, для освобождения из могилы. Кульминацией зрелища послужило бы мое появление из-за ширмы. А пока суд да дело, Даниэлла должна была развлекать собравшуюся публику и в то же время поддерживать напряжение игрой на переносном церковном органе.

— Невероятно! — воскликнул Эдди. — Уму непостижимо!

Великий Дзуккини опечалился еще сильнее.

— Это представление должно было прославить меня, — сказал он, и его голос снова задрожал. (Вы хотите сказать, что не помните предыдущего упоминания о дрожи в его голосе? Перечитайте все эпизоды с его участием; более точного указания дать не могу: всего не упомянешь...) — Мистер Пригожий организовал для джентльменов, представляющих прессу, эксклюзивный доступ к могиле. Если бы все прошло по плану, это шоу было бы расценено журналистами как более изобретательное, чем «В подводной клетке с морскими гадами», и более смелое, чем «В логове льва». И что мы имеем в результате? Полный конфуз.

— Что же произошло?

— Откуда мне знать? — Теперь дрожали не только голосовые связки Великого Дзуккини, но и некоторые другие части его тела. — Я лежал на задней площадке катафалка, в гробу, связанный, с заткнутым ртом, под привинченной шурупами крышкой. Это последнее, что я помню. Похоже, мы так и не добрались до лужайки возле церкви.

Великий Дзуккини заметил садовую скамейку и сел на нее. Он выглядел усталым. Эдди вспомнил, что, когда он увидел мистера Коллинза во время одного из своих редких посещений скобяной лавки, тот выглядел именно так после тяжелого трудового дня. Как вы сами убедитесь немного позже, Эдди был домоседом и нечасто выбирался в город.

— Должно быть, что-то напугало лошадей, — предположил Эдди. — Наверное, они понесли, сбросили кучера и привезли вас сюда на катафалке... Но как получилось, что на конюшне вы были не связаны и без кляпа во рту? Кроме того, насколько я понял из ваших слов, крышка гроба была привинчена шурупами, не так ли? Но вы открыли ее довольно легко...

— По той простой причине, что я эскаполог-профессионал! — воскликнул

Великий Дзуккини. — Я освободился от веревки, еще лежа в гробу, и отвинтил шурупы изнутри. Все, что мне осталось сделать, — это поднять крышку гроба.

Эдди сел на скамейку рядом с эскапологом и посмотрел на зияющую прореху в боку дома в том месте, где раньше были спальня родителей мальчика и его комната. После довольно продолжительного раздумья Эдди сказал:

— Я еще могу понять, как вы подняли крышку гроба на конюшне. Но как бы вам удалось поднять крышку, когда ее покрывали бы тонны земли? На мой взгляд, это просто невозможно.

Великий Дзуккини посмотрел на Эдди исподлобья довольно неприветливым взглядом.

— Похоже, ты смышленный парнишка, тебе не кажется? — проговорил он таким тоном, что эти слова прозвучали как угодно, но только не как комплимент.

— И вот еще что: как бы ни была высока такса за выступление, но дышать-то надо...

— Вакса? — Эскаполог встрепнулся и вскочил на ноги. — Почему вас всех так волнует моя прическа? Да, у меня очень мало волос, и я крашу ваксой жалкие остатки своей шевелюры! Ты считаешь это

преступлением? Ответь, это преступление? Да или нет? Я лысею и крашу волосы! Если хочешь, я объявлю об этом во всеуслышание. — Он встал на скамейку и, театрально взмахнув руками, провозгласил: — Я ЛЫСЕЮ И КРАШУ ВОЛОСЫ ВАКСОЙ! — Затем плюхнулся обратно на сиденье. — Ну и как? Теперь ты счастлив, Эдди Диккенс? — спросил он.

— Я сказал такса, сэр, — уточнил Эдди тихим голосом. Он повторил слово еще раз: — ТАКСА. Какой бы высокой ни была такса, как вы могли дышать в запечатанном гробу? Ведь вы провели в нем несколько часов, не так ли?

Эскаполог настолько смутился из-за путаницы, возникшей со словами «такса» и «вакса», что вперил взгляд в свои ботинки, словно их вид вызвал у него живейший интерес. Не сводя глаз с начищенных до блеска носков своих ботинок (вместо того, чтобы посмотреть на Эдди), он ответил:

— Извини, это секрет фирмы.

Поблизости слышался чей-то кашель. Великий Дзуккини поднял голову и увидел перед собой невесть откуда взявшуюся Безумную Тетю Мод.

— А, это вы, мистер Коллинз, — заулыбалась она. — Как это мило с вашей сто-

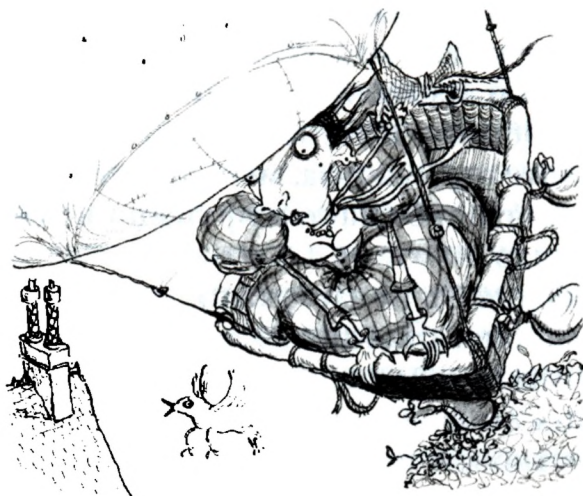
роны: прийти к нам на дом. Мне нужно купить полдюжины оцинкованных гвоздей длиной три дюйма с четвертью. У Марджори образовалась дыра в вымени, и я хочу ее залатать, пока стоит хорошая погода.

Великий Дзуккини обхватил голову руками и завыл. В этот момент на крону росшего неподалеку дуба приземлился воздушный шар; после секундной задержки он стал стремительно падать на землю, ломая сучья.

Посланница с небес

Эпизод 4,

в котором Эдди пускает слюни

— Восхитительно! — воскликнула Безумная Тетя Мод, выползая из-под корзины приземлившегося на нее воздушного шара и вытряхивая веточки из волос. — Вот уж не думала, что на меня когда-нибудь сядет воздушный шар. Должна признаться, что это произвело на меня неизгладимое впечатление. Мне понравилось. — Она сорвала лист ревеня, отщипнула от него кусочек и приложила к царапине под глазом. — Это было действительно очень приятно. Да. — С этими словами Безумная Тетя Мод направилась

через кусты к Марджори, немного припадая на ушибленную в колене ногу.

Эдди и Дзуккини восприняли это событие далеко не так спокойно. Ведь когда сидишь на садовой скамейке, бездумно наслаждаясь ласковыми солнечными лучами и время от времени поглядывая на пробойину в стене, возникшую в результате взрыва газа, меньше всего ожидаешь, что тебе на голову упадет воздушный шар.

Сердце Эдди застучало, как паровоз, а эскаполог стал таким же белым, каким был мистер Диккенс в одном из предыдущих эпизодов, когда его припудрило известковой пылью с потолка. Но этим дело не кончилось — из корзины воздушного шара вылетела девушка.

Произошло следующее. Воздушный шар спустился на большой скорости; корзина, соскользнув с верхушки дерева, стала продираться сквозь густую крону и успокоилась только после того, как ударилась о землю. Впрочем, слово «успокоилась» вряд ли подходит к данному случаю: ведь оно образовано от слова «покой». Услышав слово «покой», мы представляем себе солнечный день и тихую прохладную комнату с задернутыми занавесками, в которой можно вдоволь

наиграться с любимой кошкой. При слове «покой» приходят на память выражения типа «полежать на диване», «малость вздремнуть», «расслабиться». Так вот, воздушный шар не «успокоился», а резко остановился. Чего нельзя сказать о человеке, который в нем находился. Человек, находившийся в воздушном шаре, вылетел из корзины (поэтому, строго говоря, он уже не был к этому времени человеком, находившимся в воздушном шаре). Вы, конечно, удивитесь, но этим человеком оказалась девушка. Пролетев несколько ярдов по воздуху, она спланировала на розовый куст.

Эдди был потрясен: он никогда не видел ничего подобного. Правда, ему вообще не случалось видеть женщину на розовом кусте, но речь не об этом. Эдди никогда не видел молоденькую девушку в столь туго затянутом корсете и с таким количеством чудесных, надетых одна на другую нижних юбок с оборками...

— Даниэлла! — воскликнул Великий Дзуккини, подбегая к кусту, чтобы помочь девушке выпутаться из хитросплетения усеянных шипами веток.

— Гарольд! — отозвалась девушка.

Современный романист написал бы, что в ее голосе прозвучала «необуздан-

ная радость». Но поскольку узда (или уздечка) — это то, что надевают на лошадь, нет ничего удивительного, что ее не оказалось на радости. К тому же девушку звали не Радой, а Даниэлкой.

Ее имя сразу запало Эдди в душу: в нем слышался звон колокольчика. Кажется, Великий Дзуккини уже упоминал его. О чем спросил эскаполог сразу после того, как вышел из гроба на конюшне (после ряда менее существенных вопросов, как то: «Где я нахожусь? Где публика?..»)? «Где моя Даниэлла?» — вот о чем спросил тогда Великий Дзуккини.

Теперь Эдди мог бы ответить на этот вопрос, если бы у него не сперло дыхание.

Конечно, когда девушка спускается с небес на воздушном шаре и катапультируется на розовый куст, это не может не произвести впечатления, но у Эдди было такое чувство, что Даниэлла поразила бы его воображение даже и в том случае, если бы она просто подошла к нему и сказала: «Доброе утро, мистер Диккенс».

Большинство девушек и женщин, с которыми приходилось встречаться Эдди, носили одежду таких нарядных цветов, как серый, черный и черно-серый. Мало того, их одежда начиналась сразу под

подбородком и кончалась уже на земле. Мальчик только на десятом году жизни в полной мере осознал, что у его мамы есть ноги.

И тут появляется восхитительное создание, у которого... Мало того что у этой девушки имелись коленки, шея и бесчисленное количество нижних юбок с оборками под платьем в красную, синюю и желтую клетку — она обладала еще и лицом, напоминавшим фотографию верблюда, которую Эдди видел в книге под названием «Лягающиеся животные, но не лошади».

— Ты что, идиот? — спросила Даниэлла, вытаскивая из своего уха улитку и сажая ее обратно на ветку розы, где, собственно, ей и место.

— Ч-что в-вы с-с-сказ-з-з-зали? — пролепетал Эдди.

— А что я могу сказать о человеке, который, разинув рот, пялится на меня как баран на новые ворота и пускает слюни?

Эдди поспешно захлопнул рот, щелкнув при этом челюстью, как моллюск — створками раковины; затем он вытер рукавом слюни на подбородке. «Их было не так уж много», — подумал он про себя.

— Это Эдди Диккенс, — представил его своей ассистентке Гарольд Дзуккини. — Он меня спас.

Даниэлла фыркнула. Этот звук показался Эдди совершенно очаровательным. Должно быть, верблюды из книжки фыркал именно таким образом.

— Вас спас ребенок? Вас, величайшего в мире эскаполога? Я бы на вашем месте не стала никому об этом рассказывать.

Даниэлла произнесла эти фразы голосом, каким во время чумы кричат: «Унесите это мертвое тело!» — а во времена Эдди Диккенса пели в жутковатых опереттах про жизнь в «добром старом Лондоне»: «Кто купит мне живые розы?»

Но для Эдди ее слова прозвучали как райская музыка: ведь он проводил почти все время в Беспросветном Тупике, где практически не с кем было поговорить,

если не считать его родственников, Доукинса, Бормотунью Джейн и небольшое отделение отставных солдат. (Думаю, чуть позже вы получите обо всех этих персонажах более полное представление.)

Следовало прояснить ситуацию, и Дзуккини вкратце рассказал девушке ту часть истории, которая была известна ему.

— А теперь, — с нетерпением обратился он к своей ассистентке, — объясни мне, как я оказался в Беспросветном Тупике.

Даниэлла настороженно взглянула на Эдди.

— Могу я говорить при нем? — спросила она.

Дзуккини вздохнул.

— Думаю, да, — проговорил он после короткой паузы. — Этот смысленый паренек и без того заподозрил меня в обмане. Он догадался, что в мире эскапологии дело не обходится без мелких хитростей.

Даниэлла снова посмотрела на Эдди, на этот раз с негодованием.

— Это не обман! — горячо вступилась она за Дзуккини. — Это ловкость рук и секрет фирмы, вот что это такое.

— Фууууууух, — выдохнул Эдди, с восхищением глядя на ассистентку с верб-

люжым носом и изо всех сил стараясь не обслюнявиться. Безуспешно.

— Вы уверены, что он не дебил? — спросила девушка у своего патрона.

— Лучше расскажи мне, почему номер не удался? — гнул свое великий эскаполог.

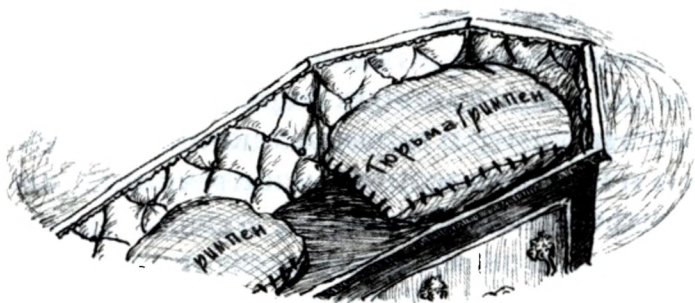
— Ладно, слушайте, — сдалась прекрасная Даниэлла, вытирая свой роскошный нос обшлагом рукава.

* * *

До поры до времени все шло как по писаному. Гроб с Великим Дзуккини торжественно подняли и поставили на заднюю площадку застекленного катафалка. Затем процессия двинулась к лужайке, расположенной возле церкви святого Ботольфа. Разумеется, простодушные зрители не подозревали, что перед ними не совсем обычный катафалк. Это был особый эскапологический экипаж, сконструированный мистером Скиллетом по спецзаказу.

Когда гроб с Великим Дзуккини уже стоял на задней площадке и катафалк тронулся с места, у зрителей, благодаря особым образом расположенным зеркалам, создалось впечатление, что они смотрят на гроб; однако на самом деле они виде-

ли изображение декоративного гроба, отраженное от потолка экипажа. Между тем *настоящий* гроб оставался скрытым от внешнего мира. Под декоративным гробом находился секретный отсек, где стоял настоящий (то есть тот, в котором лежал Дзуккини) гроб, и эти два гроба могли перемещаться по вертикали — один вверх, другой вниз — при помощи вращающегося пола, который мистер Скиллет называл «качелями». Короче говоря, в гробу, находившемся над секретным отсеком (а его-то потом и закопали на лужайке возле церкви), не содержалось ничего, кроме пары мешков с песком для придания гробу должного веса.

Конечно, здесь очень уместным оказался бы чертеж со множеством пунктирных стрелок, разрезов, проекций и надписей типа «Позиция А» и «Позиция В», но на Объединенном совете эскапологов

было принято постановление, в котором категорически запрещается публикация подобных схем, а я не собираюсь подвергать себя риску проснуться однажды в сундуке на дне реки только ради того, чтобы мои читатели поняли, как устроены «качели» мистера Скиллета.

(Кстати, мешки с песком для придания должного веса декоративному верхнему гробу были сшиты заключенными близлежащей тюрьмы. Обычно эти узники шили *почтовые* мешки, но они любезно согласились изготовить на этот раз мешки для песка по спецзаказу, полученному от Великого Дзуккини. Правда, у них не было выбора. Это произошло еще до группового побега, в результате которого несколько заключенных оказались на болоте — надеюсь, вы помните об этом! — а остальных перестали выпускать из камер и лишили такого приятного и небесполезного развлечения, как шитье мешков.)

Теперь вы и сами можете догадаться, что произошло. В могиле, отгороженной от публики ширмами, был захоронен гроб с мешками с песком; при этом зрители думали, что в нем находится Великий Дзуккини. По мнению Даниэллы, именно после этого все пошло напереко-

сяк. Вот что *должно было* произойти: Дзуккини, находившийся в припрятанном за углом, вдалеке от любопытных глаз катафалке, должен был открыть гроб изнутри (точно так, как он сделал это на конюшне Беспросветного Тупика) и нажать на кнопку. Хитроумный механизм выдвинул бы открытый гроб вверх из секретного отсека, и Дзуккини смог бы незаметно выйти из экипажа.

Затем он должен был незаметно проникнуть за ширмы, чтобы публика не сомневалась, что он выбрался из засыпанного землей гроба. По словам Даниэллы, выполнить эту часть плана не составляло никакого труда, но она не собиралась делиться подробностями с Эдди. Да и с какой стати она стала бы это делать? Ведь все пошло наперекосяк уже на предыдущем этапе. Как сообщила Даниэлла Великому Дзуккини (и очарованному, смотревшему на нее во все глаза Эдди), лошади, запряженные в катафалк, понесли, когда первый гроб еще не был окончательно закопан.

— Внезапно подняли оглушительный трезвон тюремные колокола, возвещавшие о побеге заключенных, — пояснила Даниэлла, — и этот звук так испугал несчастных животных, что они помчались

куда глаза глядят. Джон сказал, что, судя по изученным им следам, заднее колесо экипажа наскочило на пень, отчего зеркала сдвинулись назад и гроб выскочил наверх из секретного отсека, как кролик из шляпы.

— Видимо, в тот момент я и потерял сознание, стукнувшись головой о крышку гроба, — сообразил эскаполог. — А что произошло потом?

— Потом мы попали в переплет, — сказала Даниэлла. — Нам пришлось отдуваться по полной программе.

Ассистентка эскаполога вынуждена была битый час стоять перед ширмами, делая вид, будто вместе с публикой ожидает появления Великого Дзуккини, закопанного на глубину шести футов. А ведь ей было известно, что ее шеф не появился на сценической площадке (хотя она не знала почему).

— Все это время я играла на органе, умудряясь при этом шепотом обсуждать с мистером Скиллетом, что делать дальше, — объяснила Даниэлла. — В конце концов Джон отправился на поиски экипажа. Он позаимствовал для этой цели лошадь у хозяина постоянного двора, но ему так и не удалось выйти на след пропавшего катафалка.

Рассказывая эту историю, Даниэлла безбожно проглатывала то начало, то конец, то середину слова, и вам было бы нелегко расшифровать смысл ее речей, если бы я передал их буквально — так, как они на самом деле прозвучали. Но я прибегну к маленькому трюку: там, где милая Даниэлла произносила только часть слова, я буду писать его целиком, а вы — воображать, в каком виде оно дошло до слуха Эдди. Договорились? Вот и хорошо.

— А как насчет воздушного шара? — поинтересовался Великий Дзуккини. — Где ты умудрилась раздобыть воздушный шар?

— Я как раз собиралась об этом рассказать, — фыркнула Даниэлла. — Мистер Пригожий...

— Это мой импресарио, — напомнил мальчику эскаполог.

— Да, речь идет именно о нем, — подтвердила Даниэлла. — Так вот, он, если помните, пригласил Вольфа Таблета...

— Это знаменитый фотограф, — пояснил Эдди Дзуккини.

— Он самый, — кивнула Даниэлла. — Мистер Пригожий спросил у Вольфа Таблета, не желает ли тот сделать снимки на вашем последнем представлении.

— Но ведь он, кажется, не заинтересовался этим предложением и даже не ответил на приглашение, — сказал Дзуккини. — Если память мне не изменяет, он называл меня не иначе как жуликом и шарлатаном.

— Он и сейчас придерживается того же мнения, — подтвердила Даниэлла. — Поэтому он и воспользовался воздушным шаром, полагая, что взгляд сверху поможет ему вас разоблачить.

Лицо Великого Дзуккини вдруг побегровело и покрылось потом.

— Грязный щелкопер, прохвост, гадюка подколодная, — вспылал гневом эскаполог. — Никчемный прощелыга. Я разобью ему камеру... Я его так отколошмачу...

Эдди испугался, как бы Великого Дзуккини не хватил удар (в те времена удары такого рода назывались апоплексическими, но некоторые шутники говорили в таких случаях, что человека хватил кондрашка). Мальчику только однажды довелось видеть человека, охваченного подобным гневом, и это был... мистер Коллинз. Дело происходило в скобяной лавке. Ее хозяин впал в ярость, когда неопытный продавец по ошибке подал покупателю трехдюймовые гвозди вместо двухдюймовых шурупов. Но, сказать по правде, ярость мистера Коллинза не шла

ни в какое сравнение с необузданным гневом Великого Дзуккини.

Даниэлла вытерла лоб своего патрона самым кружевным из когда-либо виденных Эдди носовых платков, и мальчик пожалел, что она вытирает не его лоб. (Парень немного не в себе, вам не кажется?)

— Успокойтесь, Гарольд, — сказала Даниэлла. — Ведь мистер Таблет так ничего и не увидел по той простой причине, что вас там не было. Когда его чертов шар появился над тем местом, где мы вас похоронили, он не мог засечь вашего проникновения за ширму, потому что вы находились в то время в другом месте. В катафалке, на конюшне или где-то еще. В общем, я не знаю, где вы были, но мне абсолютно точно известно, что там вас не было.

— Хм! — хмыкнул Дзуккини, чей гнев мгновенно сменился злорадным чувством торжества над незадачливым фотографом. Признаться, его хмыканье не показалось Эдди и наполовину таким же милым и приятным, как хмыканье Даниэллы. — Значит, он до сих пор думает, что я находился в закопанном в землю гробу?

— Ну конечно! — усмехнулась Даниэлла.

— Это послужит ему хорошим уроком! — воскликнул Великий Дзуккини.

Эдди заметил, как очередной кусочек ваксы отвалился от вспотевших остатков волос Дзуккини и расползся у него по лицу.

— Но как *вы* оказались на в-в-воздушном шаре, Даниэлла? — взволнованно спросил Эдди, делая все от него зависящее, чтобы не обслюнявиться.

— Скиллет и несколько человек из публики ухватились за концы канатов, которые свешивались из корзины воздушного шара, и притянули его к земле. Многие зрители полагали, что это часть представления, а когда в пассажире воздушного шара они узнали всемирно известного фотографа Вольфа Таблета, их охватил восторг. Кроме того, зрителей очень заинтересовало фотооборудование. Осознав, что ему не удалось разоблачить Великого Дзуккини (по крайней мере, на этот раз), Вольф Таблет расслабился и решил погреться в лучах своей славы. Тут-то мистер Пригожий пригласил его выпить, и тот с радостью составил ему компанию, оставив свой шар привязанным к дереву.

— На всю ночь?

— Его сгубило любопытство. Вольф Таблет надеялся на то, что у подвыпившего мистера Пригожего развяжется язык и он разболтает ему секреты нашей фирмы, а ваш импресарио подыгрывал ему, строя из себя бесшабашного выпивоху. Дело кончилось тем, что мистер Пригожий связал фотографа в номере гостиницы «Протухшая Крыса» и, прежде чем запереть его номер снаружи, сказал: «Попробуй выбраться отсюда!» Думаю, горе-фотограф и сейчас еще там.

— Поделом ему, дураку! — воскликнул Дзуккини и нервно усмехнулся.

— А вам не кажется, что он может... немного рассердиться из-за того, что вы заперли его в номере, украли у него воздушный шар да еще и повредили его, совершив неудачную посадку? — спросил Эдди.

Даниэлла уже готова была срезать Эдди каким-то особенно язвительным замечанием, но тут из-за кустов выплыла Безумная Тетя Мод, слегка припадая на ушибленную в колене ногу.

— Пилеры! — объявила она таким тоном, каким во время войны объявляют воздушную тревогу. — Наш сад кишмя кишит пилерами!

С этими словами она исчезла за ком-
постной кучей — так же внезапно, как
и появилась.

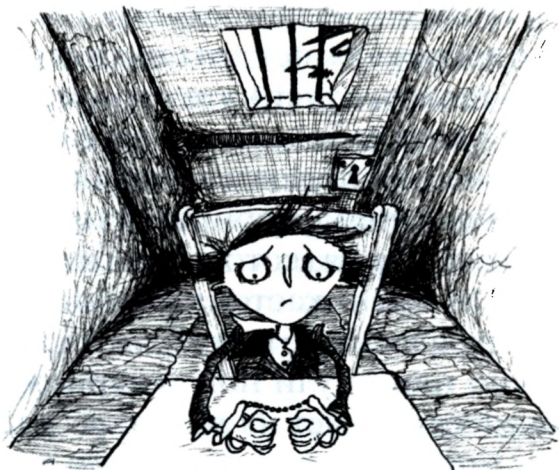
— Полицейские? — удивился Эдди. —
Интересно, кого они здесь ищут?

Полицейские и воры

Эпизод 5,

*в котором почти все наши герои
попадают в заточение*

В те далекие времена пилеры — полицейские — обязаны были пройти специальные курсы усовершенствования под названием «Обнаружение скрытого смысла в словах собеседника». К счастью, теперь эту служебную инструкцию отменили (я знаю, что среди моих читателей найдутся и такие чрезмерно подозрительные особы, которые мне не поверят и про себя подумают: «Это он только так говорит...»). Если в словах собеседника — в особенности подозреваемого — можно было обнару-

жить хоть какой-нибудь скрытый смысл, полицейский обязан был это сделать.

Например, вы говорите полицейскому, который считает вас подозреваемым: «Доброе утро», и полицейский немедленно спрашивает: «А чем это оно такое уж для вас доброе? Уж не сделали ли вы чего-нибудь такого, отчего это утро кажется вам особенно добрым?» — и вы с ужасом осознаете, что под этим «чего-нибудь» полицейский подразумевает противоправные действия (которых вы не совершали). Он проникается уверенностью, что вы украли алмаз размером с голубиное яйцо или пнули ногой курицу, и твердо рассчитывает на то, что вы расколаетесь. Спрашивается, из-за чего вы так страдаете? Из-за своей воспитанности! Вы страдаете только из-за того, что вежливо пожелали ему доброго утра!

Слово «расколаетесь» не означает в данном случае, что ваша голова или какая-нибудь другая часть тела треснет, как орех. Это фигуральное выражение, означающее, что под воздействием этого дешевого трюка вы чистосердечно признаетесь в том, что совершили более или менее тяжкое преступление или намереваетесь его совершить. В этой ситуации преимущество имеет человек, который

действительно что-то натворил: по крайней мере, он знает, за что так мучается.

В наше время часто можно услышать: «Полицейского не дозовешься. Когда он нужен, его днем с огнем не сыщешь». (А вот если полицейский явится по первому зову, эти же люди, скорее всего, просто промолчат.) Во времена Эдди при виде полицейского, как правило, говорили: «Смотрите, что это за чудаки в высокой шляпе и смешной форме?» — и либо показывали на него пальцем, либо смеялись, либо бросались в него камнями. Либо делали и то, и другое, и третье одновременно.

Как бы то ни было, тот небольшой опыт общения с полицейскими, который накопил Эдди, подсказывал ему, что независимо от того, как он себя поведет — скажет им чистую правду или вывалит на них ушат самой неправдоподобной лжи, — они все равно ему не поверят.

Доставив Эдди, Даниэлла и Великого Дзуккини в участок, полицейские развели их в разные камеры.

— Держись, Даниэлла! — крикнул Эдди, когда его тащили по коридору.

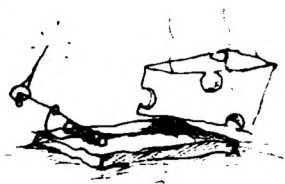
Поскольку он хотел подбодрить не столько ее, сколько себя, а также по той причине, что при одной мысли о Дани-

элле возникал риск, что он опять распустит слюни, голос мальчика прозвучал довольно странно. Даниэлла фыркнула. К ее чести, она была скорее возмущена, чем испугана.

Эдди привели в маленькую комнатушку, в которой не было ничего, кроме стола, двух стульев и установленной в углу мышеловки с большим куском сыра — естественно, подгнившего и вонючего.

— Это комната для допросов, — пояснил пилер. — Она так называется потому, что в ней производятся допросы. Понятно?

Эдди вежливо кивнул.

— У меня есть к тебе несколько вопросов, — сказал пилер. — И я рассчитываю получить на них ответы.

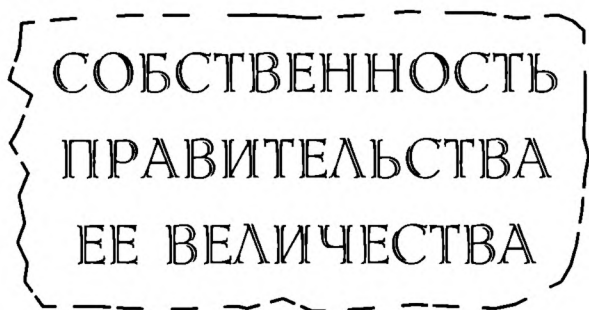
Эдди вздохнул.

* * *

Как и вчера, мальчик проснулся внезапно: на этот раз на его лицо упала морская звезда. Понадобилось целых три секунды, чтобы он вспомнил, где находится. Собравшись с мыслями, Эдди выпустил глубокий вздох и подумал: «Было

бы неплохо, если бы полицейские сделали со мной то же, что я со вздохом, то есть выпустили бы меня на волю».

Раздался скрежет, и дверь в камеру отворилась. На пороге появился пилер с жестяной кружкой в руке. К ее ручке была прикована цепочка с табличкой:

— Тебе не повредит кружка горячего чая, — сказал полисмен.

— Спасибо, — поблагодарил его Эдди, беря в руки кружку.

— На самом деле это тепловатая вода без заварки. А ты как думал? Здесь тебе не «Фиц»! — Дело происходило в то время, когда в Лондоне открылся ресторан «Фиц», настолько шикарный, что граф Уффингтонский служил там швейцаром, а солдаты в мундирах с эполетами — судомойками.

— Сколько вы еще собираетесь держать меня здесь? — спросил Эдди.

— Ты когда-нибудь слышал о *хабеас корпус*? — спросил пилер.

Эдди покачал головой. (Своей, разумеется. Он прекрасно понимал, что попытка покачать головой полицейского может кончиться для него плачевно.)

— *Хабеас корпус*, или закон о задержании, гласит, что мы можем держать тебя здесь, сколько нам заблагорассудится, — пояснил пилер.

— А если бы я знал, что такое *хабеас корпус*, это что-нибудь изменило бы? — поинтересовался Эдди.

— Возможно, — неуверенно ответил пилер. — Но мне некогда тут с тобой болтать. Я только хотел предупредить, что скоро сюда придет инспектор. Он хочет задать несколько вопросов.

И пилер оставил Эдди допивать кружку чаю в одиночестве. В ту самую минуту, когда дверь за полисменом захлопнулась, Эдди ощутил острый укол стыда. Он даже не спросил, как поживает бедная Даниэлла! Каким черствым эгоистом он себя проявил! В трудную минуту он оказался способным думать только о себе, в то время как несчастная Даниэлла, возможно, томилась в соседней камере.

— Подождите! — крикнул он.

Над дверью отворилось маленькое окошко, в которое заглянул пилер.

— Что? — спросил полисмен.

— А что с другими? Где сейчас Даниэлла и мистер Дзуккини?

— Сейчас придет инспектор. У него и спросишь, — ответил пилер, захлопывая окошко.

Через несколько секунд Эдди определил по звуку шагов, что пилер двинулся в дальний конец коридора.

Тут на полу камеры возникла странная птицеклювая тень. Эдди повернулся к выходявшему на улицу окну, расположенному под самым потолком, и увидел в нем лицо Безумного Дяди Джека, который смотрел на него через решетку.

— Как поживаешь, мой мальчик? — спросил он.

— Спасибо, хорошо, Дядя Джек, — ответил Эдди, — если не считать того, что меня заперли в камере, хотя я не сделал ничего дурного.

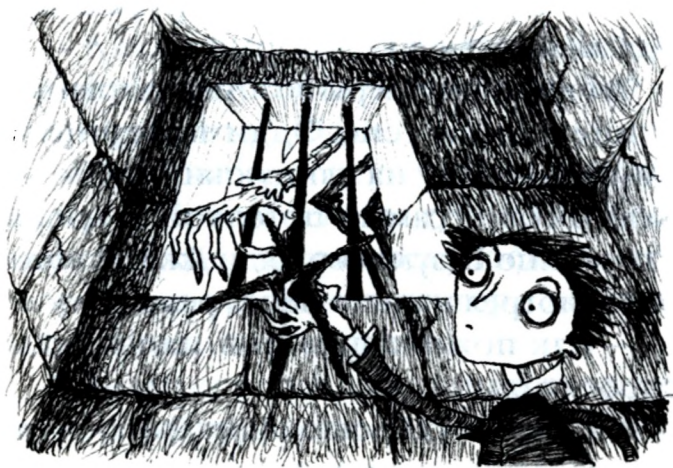
— Это морская звезда? — спросил двоюродный дедушка Эдди, просовывая указательный палец между прутьями решетки.

— Да, похоже на то, — ответил Эдди. — Я только что нашел ее у себя в постели.

— Будь так любезен, подай мне ее, пожалуйста, — попросил Безумный Дядя Джек. — Должно быть, она выпала у меня из кармана ночью.

— Ночью? — удивился Эдди.

— Я подошел к этому окну ночью, чтобы с тобой поговорить, но ты крепко спал. Наверное, тогда я и выронил из кармана морскую звезду.

Эдди вспомнил об электрическом угре, который упал на него в первом эпизоде (хотя он, конечно, не знал тогда, что это начало первого эпизода), и у него в голове снова зашевелился вопрос, почему его двоюродный дедушка стал носить у себя в карманах живых рыб, а не вяленых, как это было прежде.

Мальчик залез на кровать, встал на цыпочки и просунул морскую звезду сквозь решетку окна.

— Большое спасибо, — поблагодарил его Безумный Дядя Джек.

— Что вы хотели сказать мне ночью? — поинтересовался Эдди.

— А я этого хотел? — насторожился Безумный Дядя Джек. — Ты уверен?

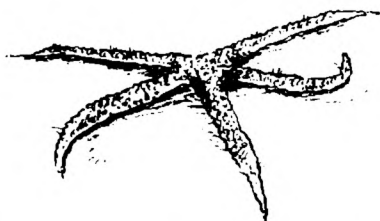
— Вы сами сказали... — начал было Эдди, но осекся, услышав голоса в коридоре. — Сюда идет инспектор! — произнес он резким шепотом. — Будет лучше, если вы скроетесь.

— Очень хорошо, — легко согласился Безумный Дядя Джек. — Но возьми, пожалуйста, эту вещицу. Я принес ее, чтобы ты знал: о тебе не забыли!

Он достал что-то из кармана своего сюртука и передал Эдди. Мальчик протянул руку, взял «вещицу» и поспешно спрыгнул с кровати — как раз в ту секунду, когда в замке заскрежетал ключ. До того как дверь открылась, Эдди успел взглянуть на «вещицу», переданную ему двоюродным дядей.

Это была морская звезда.

Человек, который вошел в камеру в сопровождении пилера, был настолько пузат, что его толщина равнялась росту;

на нем был очень крикливый клетчатый сюртук. Конечно, клетчатые сюртуки не могут кричать (если их не рвать и не тереть с силой о другие сюртуки), но, вообще говоря, клетчатые сюртуки отличаются особой громкостью: если бы они заговорили, то сразу сбились бы на крик. Если бы по телевизору показали человека в таком сюртуке (хотя дело происходило задолго до того, как были изобретены телевизоры), изображение не выдержало бы и стало расплывчатым. Даже когда этот человек стоял неподвижно, казалось, что клетки на его сюртуке носятся по всему помещению и кричат: «Посмотрите на нас!» Эдди заметил, впрочем, что сюртук инспектора был далеко не новым. Карманы пообтерлись, и рукава немного лоснились. И на том спасибо. У него заболела голова от одного вида этого одеяния, и мальчик не был уверен, что выдержал бы, если бы сюртук был с иголки.

— Это инспектор, — сказал пилер.

— Я инспектор, — представился инспектор.

— Инспектор хочет задать тебе несколько вопросов, — сказал пилер.

— Я хочу задать тебе несколько вопросов, — сказал инспектор.

Пилер посмотрел на инспектора краем глаза придурковатым взглядом. По правде говоря, это был намеренно придурковатый взгляд. Вообще-то пилеры довольно часто бывают простаками, но этот пилер *разыгрывал* из себя простака (возможно, и без того будучи таковым).

— Следуй за мной, — приказал Эдди пилер.

— Следуй за мной, — повторил за ним инспектор.

Эдди снова привели в комнату, где его вчера допрашивали (или взяли у него интервью — кому как нравится), и усадили на тот же старый стул. Мальчик посмотрел на ту же старую мышиную дыру в плинтусе и обрадовался, увидев тот же старый кусок сыра в мышеловке: это означало, что мышь до сих пор в нее не попала.

— Мистер Диккенс, — сказал инспектор, который сел за стол напротив Эдди; вернее, напротив расположился его живот, который был настолько велик, что

остальная часть тела находилась довольно далеко от мальчика. — Позвольте мне начать с извинения за то, как с вами здесь обращались.

Эдди был вне себя от удивления. Его называли теперь мистером и обращались к нему на *вы*. К тому же он впервые в жизни увидел извиняющегося полисмена.

— Понимаете, мне хотелось бы, чтобы вы попробовали хотя бы на минуту встать на мое место. Посудите сами. Во-первых, группа опасных преступников бежит из тюрьмы Гримпен; по нашим оперативным данным, они скрываются где-то на болоте. Во-вторых, всемирно известный фотограф мистер Вольф Таблет найден связанным по рукам и ногам с кляпом во рту в номере гостиницы «Протухшая Крыса». В-третьих, его воздушный шар, приводящийся в действие подогретым воздухом, украден. Вам известны эти факты?

Эдди кивнул и вежливо подтвердил:

— Да, сэр.

— Хорошо, — сказал инспектор. Его сюртук ничего не сказал, но было видно, что громкие клетки голосили что было мочи в надежде, что их услышат. — Надеюсь, вы признаёте, что были найдены

возле воздушного шара в компании с некой Даниэллой?.. — Инспектор вопросительно посмотрел на пилера, который молча стоял по левую сторону от него с той минуты, как Эдди и инспектор сели за стол.

— Мы не знаем ее фамилии, — сказал пилер.

— Мы не знаем ее фамилии, — повторил инспектор и после недолгого раздумья добавил: — Но мы знаем, что ее видели на летящем воздушном шаре (о чем имеются показания нескольких свидетелей). Кроме того, она призналась, что была сообщницей мистера Пригожего, который напал на Вольфа Таблета.

— Да, воздушный шар упал у нас на заднем дворе, — подтвердил Эдди. — То есть на территории Беспросветного Тупика, дома моего двоюродного дедушки.

— Вы сказали *упал*? — спросил инспектор и, засунув свой мизинец в левое ухо, начал трясти им с такой яростью, что все его громоздкое туловище заколыхалось, как желе.

Эдди заметил, что пилер снова посмотрел на инспектора придурковатым взглядом — на этот раз другим краем глаза.

— Да, — снова подтвердил Эдди. — Она... Даниэлла... приземлилась на розо-

вый куст. Вчера я ему обо всем этом рассказал... — Эдди кивнул в сторону пилера. — Он записал мои показания и все такое. Разве вы не читали протокол допроса?

— У мистера Чиви плохой почерк, и у него хромает орфография, — пояснил инспектор. — Кроме того, я не умею читать.

Эдди не смог скрыть удивления.

— Не всем удастся получить хорошее образование, мистер Диккенс, — сказал инспектор. — И хотя оно, несомненно, полезно, человек не обязательно должен уметь читать, чтобы быть хорошим инспектором-детективом. — С этими словами он дал еще одну хорошую взбучку своему уху при помощи мизинца.

Эдди стало стыдно, и он проговорил, прочистив горло:

— Конечно, сэр. Разумеется, вы правы.

— Хорошо, — сказал инспектор. — Странное совпадение, вам не кажется?

— П-простите? — пролепетал Эдди; у него возникло ощущение, что он влип, хотя и непонятно во что.

— Вам не кажется странным, что Даниэлла приземлилась на воздушном шаре как раз возле того места, где сидел ее пат-

рон, мистер Дзуккини? Вы скажете, что это простое совпадение?

— Видите ли... когда я сказал, что Даниэлла «приземлилась», я имел в виду, что ее воздушный шар потерпел крушение и она... Хотя она действительно полетела на нем искать мистера Дзуккини, который...

— Ага! — воскликнул инспектор, отодвигая свой стул еще дальше от стола, отчего его живот свесился едва ли не до пола. — Значит, она *хотела* приземлиться именно там, где приземлилась, то есть в том месте, где находился мистер Дзуккини?

— Да, сэр, — подтвердил Эдди.

— Теперь вы понимаете, мистер Диккенс, почему мы по ошибке приняли вас за сообщника людей, обвиняющихся в похищении мистера Вольфа Таблета и в краже воздушного шара?

По ошибке. Инспектор сказал: *по ошибке!*

— Д-да, я понимаю, почему вы могли прийти к... неправильному заключению, — медленно проговорил Эдди, тщательно выбирая слова.

— Хорошо, — сказал инспектор, поднимаясь на ноги. — Итак, я надеюсь, что в глубине души вы простили нас и не

затаили зла за то, что мы всю ночь продержали вас в камере. — Он повернулся к пилеру, которого (как вы уже знаете, дорогие читатели) звали мистером Чиви. — Леденец, пожалуйста, мистер Чиви, — распорядился он.

Пилер озабоченно нахмурился, засунул правую руку в карман своего мундира и вытащил из него круглый леденец, покрытый какими-то непонятными ворсинками голубого цвета. Полисмен отряхнул леденец, насколько это было возможно, и передал его инспектору.

Инспектор, в свою очередь, протянул это сомнительное лакомство Эдди.

— Пожалуйста, примите этот леденец как знак примирения и сожаления о тех

неудобствах, которые мы вам причинили, — сказал инспектор и погладил Эдди по голове. Три раза. Очень неуклюже.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил его Эдди, быстро запихивая леденец в карман, где уже лежала морская звезда. Разумеется, он не собирался его есть.

Пилер вышел из комнаты и через пару минут вернулся с листком бумаги, гусиным пером, чернильницей и старым коричневым конвертом с вещами, которые отобрали у Эдди перед тем, как запереть его в камере на ночь: там лежали несколько кусочков сахара и обмусоленная, наполовину изжеванная морковка для очинки. (Если вы не можете припомнить, что это за морковка для очинки, предлагаю вам вымочить мозги, продержав их одну ночь в яблочном уксусе слабой концентрации, или перечитать первый эпизод этой книги; выбор остается за вами.) Пилер вернул Эдди его вещи.

— Нам еще нужно, чтобы вы подписали одно специальное заявление, — сказал пилер.

— Нам еще нужно, чтобы вы подписали одно специальное заявление, — повторил за ним инспектор. — Что в нем написано?

Эдди взял у пилера лист бумаги и проговорил:

— Здесь написано: «Я, Эдди Диккенс, не имею претензий по поводу того, что меня продержали всю ночь взаперти, и не пойду жаловаться в суд, точка-точка-точка-точка-точка-точка-точка».

На самом деле на листке было написано следующее:

*Я Эдди Диккенс не имею
претензий по поводу того что меня
продержали всю ночь взаперти
и не пойду жаловаться в суд*

.....

— А что такое точка-точка-точка, мистер Чиви? — поинтересовался инспектор.

— Эти точки указывают место, где должен расписаться мистер Диккенс, сэр, — пояснил пилер.

— Отличная мысль! — пришел в восхищение инспектор.

Пилер окунул перо в чернильницу и протянул его Эдди. Мальчик собрался было расписаться, но в последний момент остановился.

— Я распишусь, — сказал он, — но при условии, что сначала вы позволите мне повидаться с Даниэлкой. Кажется, ее вы не собираетесь отпускать, не так ли?

— Разумеется, нет, — подтвердил пилер. — Она воровка и сообщница.

— Позвольте мне повидаться с ней, и тогда я подпишу бумагу, — повторил свое условие Эдди.

— Обещаете? — спросил пилер.

— Обещаю, — пообещал Эдди.

Пилер посмотрел на инспектора. Инспектор кивнул.

— Очень хорошо, мистер Диккенс.

* * *

Когда дверь ее камеры открылась, Даниэлла ожидала увидеть кого угодно, но только не Эдди.

— Только не говори, что они решили держать нас вдвоем в одной камере, — простонала Даниэлла.

При одной мысли о возможности быть запертым с ней в одном помещении сердце Эдди наполнилось восторгом, но уже в следующую секунду ему стало стыдно оттого, что его отпускают на свободу, а ее нет. Какой храброй и независимой проявила себя эта девушка,

похожая на необъезженную лошадь с раздувающимися ноздрями...

— Ты пришел сюда только для того, чтобы пялить на меня глаза и пускать слюни? — спросила она.

— Нет, — поспешно возразил Эдди. — Я пришел сказать, что меня отпускают.

— А меня с Гарольдом оставляют за решеткой? Так и должно было случиться. Вдобавок они задержали Скиллета и мистера Пригожего. У каждого свое представление о справедливости.

Эдди подошел к Даниэлле и взял ее за руку.

— Если я могу что-нибудь для тебя сделать, только скажи. Уж я постараюсь, можешь быть уверена, — прошептал он.

Даниэлла отняла руку и вытерла ее о подол платья.

— Ты весь потный, — сказала она. — Да, ты можешь мне помочь. Пришли мне пирожное, начиненное динамитом.

Лицо Эдди покрылось румянцем.

— Я с удовольствием сделал бы это... но я имел в виду *законную* просьбу. Не могу ли я что-нибудь для тебя сделать, не нарушая закона? Кроме всего прочего, пирожное с динамитом может взорваться, когда ты...

Он осекся и покраснел еще сильнее.

— Успокойся, я пошутила, — сказала Даниэлла. — Заставь этого чертова Вольфа Таблета сказать полицейским, что он сам попросил, чтобы его связали. Пусть заявит, что захотел лично испытать, как Гарольд проделывает свои трюки, выпутываясь из веревок. И пусть скажет, что дал нам воздушный шар в займы. Если ты этого добьешься, то окажешь нам большую услугу.

— Но как я его заставляю это сделать? — спросил Эдди, впадая в панику.

— Раз ты догадался, что Гарольд не может взаправду выбраться из гроба, засыпанного землей, значит, ты смысленный парень. Я верю, что ты найдешь способ.

Тут на пороге камеры Даниэллы появился большой живот в громко кричащую клетку, за которым последовало и все тело самого круглого из инспекторов британской полиции.

— Пора подписывать бумагу, мистер Диккенс, — объявил он.

— Я найду способ! — торжественно пообещал Эдди.

Он снова схватил Даниэллу за руку и от избытка чувств стиснул ее изо всех сил. Сердце громко стучало у него в груди. Мальчик чувствовал себя героем при-

ключенческого романа (конечно, он понятия не имел, что *на самом деле* был героем приключенческой истории... хотя, наверное, *не совсем* такой, какую он себе представлял на основании прочитанных книг).

— У тебя слюни на подбородке, — сказала Даниэлла.

Кто поможет Эдди?

Эпизод 6,

*в котором Эдди приходится иметь дело
с малиновым вареньем, слуховым рожком
и очень большими усами*

Между тем в Беспросветном Тупике уже начался ремонт в связи с разрушениями, причиненными утечкой и взрывом газа. К несчастью, руководить ремонтными работами взялся Безумный Дядя Джек, воспользовавшись для этой цели отделением бестолковых отставных солдат, которые много лет назад, служа под его командованием, участвовали в нескольких неудачных военных операциях на территории иностранных государств. Раньше они были бестолковыми солдатами, а теперь стали бестолковыми

отставными солдатами, однако приходится признать, что эти люди отличались бесконечной преданностью Безумному Дяде Джеку.

Вряд ли вас удивит тот факт, что почти все солдаты, сражавшиеся под командованием Безумного Дяди Джека, погибли — в особенности те, которые подчинялись его приказам. Уцелели только немехи, неспособные выполнить даже простейший приказ типа: «Поймай вон то ядро, пока оно кого-нибудь не зашибло», или: «Попроси того парня, палящего из пушки, чтобы он прекратил огонь», или: «В атаку!!!» Короче говоря, уцелели лишь семеро солдат, но двое из них с тех пор умерли, так что в ремонтных работах участвовали пять ветеранов, Доукинс и сам Безумный Дядя Джек. Бормотунья Джейн отвечала за питание.

Безумный Дядя Джек очень обрадовался возвращению своего внучатого племянника.

— Неужели тебя отпустили? Или ты сбежал? Кажется, побег из тюремных камер вошел у тебя в привычку.

— В Приюте для Благодарных Сирот имени святого Вурдалака были не камеры, а комнаты, — уточнил Эдди, имея в виду приключения, в которых ему до-

велось поучаствовать в предыдущей книге. — Но на этот раз пилеры сами меня отпустили. Я оказался невиновным!

— Разумеется, мой милый мальчик! Разумеется... — Безумный Дядя Джек положил свой мастерок на стенку, которую он якобы ремонтировал. — Кстати, Эдмунд, ты не видел мою морскую звезду? Она куда-то запропастилась.

— Видел, — ответил Эдди. — Оказалось, что она любит леденцы.

(Выйдя из тюрьмы, мальчик первым делом вынул это морское чудище из кармана, и выяснилось, что одно из его щупалец присосалось к леденцу. Эдди готов был поклясться, что слышал негромкое причмокивание.)

— Вот и отлично! — воскликнул Безумный Дядя Джек, забирая звезду у своего внучатого племянника. — Хочу поскорее опустить ее обратно в бассейн, который я выкопал у себя в кабинете. — С этими словами он быстрыми шагами направился к своему дому.

— Он выкопал бассейн у себя в кабинете? — спросил Эдди; он был немного озадачен, хотя ничто уже не могло понастоящему удивить его в этом доме.

— Да, мистер Эдмунд, — подтвердил перепачканный с головы до ног и очень

бестолковый капрал, который все еще носил военную форму (хотя сейчас был без мундира). — Мы помогали ему на прошлой неделе. Копали пол и все такое.

И тут Эдди осенило:

— Вы, случайно, не сражались под командованием полковника Марли при Обрыве святого Геобада? Вы лично или кто-нибудь из вас, ветеранов?

— Что это за святой Геобад? — испуганно пробормотал бывший капрал, словно его в чем-то обвинили.

— Не берите в голову, — успокоил его Эдди. — Лучше скажите, что вы используете в качестве раствора при кладке кирпичей.

— Особую смесь Безумного Дяди Джека, — ответил сильно запачканный и совершенно бестолковый бывший капрал.

— Кажется, это варенье? — проговорил Эдди, засовывая палец в раствор между только что уложенными кирпичами.

— Возможно, в нем содержится немного варенья, мистер Диккенс, — неохотно подтвердил бывший капрал.

Эдди попробовал «раствор» на вкус.

— По-моему, это варенье.

— Скорее всего, варенье — один из компонентов в секретной формуле ра-

створа вашего Безумного Дяди Джека, — стоял на своем бывший капрал.

— Это просто варенье и больше ничего, — заключил Эдди. — В этом «растворе» нет цемента. В нем нет песка. Нет извести. В нем нет ничего, кроме малинового варенья.

Бестолковый бывший капрал нехотя кивнул головой.

— Да, — признал он. — Это варенье из семифунтовой фаянсовой банки, которую ваш дядя нашел в кладовке.

— Но ведь варенье не будет держать кирпичи, которыми заделывается дыра в стене, не так ли? — спросил Эдди.

— Да, то есть нет, — согласился бывший капрал. — Но мы просто выполняем приказ.

Эдди вздохнул и решил посоветоваться с родителями. Он нашел своего отца, мистера Диккенса, в библиотеке. Это была фантастическая комната: полки занимали в ней каждый дюйм на каждой стене (не считая окон — в противном случае, как вы понимаете, в библиотеке было бы темно хоть глаз выколи). Даже на дверях видны были полки — правда, в виде раскрашенной резьбы по дереву с изображением корешков книг.

Отец Эдди сидел в кожаном кресле с высокой спинкой и читал номер «Панча», нового периодического издания. Его заинтересовала статья о кулачных боях. Периодическое издание (если оно достаточно толстое) — это то же самое, что журнал. А кулачные бои — то же самое, что бокс, только без боксерских перчаток. В развитии бокса большую роль сыграли боксеры и производители перчаток: первые — потому, что никому не хочется получить удар по лицу костяшками пальцев, вторые — оттого, что кулачные бойцы плохо раскупали перчатки.

Отец оторвал взгляд от журнала и посмотрел на вошедшего в комнату сына.

— Здравствуй, Эдмунд, — сказал он. — Как тебе понравилось в тюрьме?

— Это была всего лишь камера предварительного заключения в полицейском участке, папа, — почтительно пояснил Эдди.

В те времена еще не было социальных работников, и поэтому детям приходилось относиться к родителям с почтением, если они не хотели, чтобы те заперли их в затопленном водой подвале или привязали к мачте попавшего в шторм корабля. Сейчас такие номера не проходят — откуда ни возмись появляется социальный работник и говорит: «Уважаемые родители, вы не имеете права так обращаться со своими детьми!»

— Хорошо, хорошо, — закивал мистер Диккенс.

Хотя он несколько раз принял ванну после взрыва, вид у него был немного сумрачный и пыльный, как будто он загримировался для исполнения роли призрака в мюзик-холле. (Мюзик-холл — это такой дешевый театр, в котором на сцене много танцуют и поют.)

— Как ты себя чувствуешь, папа? — спросил Эдди.

— Хорошо, хорошо, — ответил его отец.

— Рад за тебя, — сказал Эдди. — Я ищу маму. Не знаешь, где она?

— Хорошо, хорошо. — Мистер Диккенс продолжал кивать как заведенный.

Только теперь Эдди понял, что у его отца все еще не восстановился слух после того, как его оглушило взрывом.

— ГДЕ МА-МА? — повторил Эдди, на этот раз очень громко и очень медленно.

Если бы это была публичная библиотека, строгий библиотекарь приложил бы палец к губам, сказал бы: «Тссссс!» — и указал бы пальцем другой руки на большую табличку с надписью «ТИШИНА». Но это была всего лишь частная библиотека в Беспросветном Тупике, и поэтому...

— Тссссс! — произнес строгий мужчина, указывая на большую табличку с надписью «ТИШИНА».

Признаюсь, такой поворот событий застал меня врасплох, хотя я и всезнающий автор. Извините.

Поскольку все стены были заставлены книгами, строгому мужчине пришлось держать табличку в деревянной рамке с надписью «ТИШИНА» в руках, что несколько снижало эффект.

— Кто вы? — спросил Эдди с нескрываемым изумлением. Ему казалось, что он знает всех, кто живет и работает в Беспросветном Тупике.

— Я твой отец! — ответил удивленный мистер Диккенс, который сидел спиной к строгому мужчине и, по-видимому, не подозревал о его существовании.

— Я обращаюсь не к тебе, папа, — объяснил Эдди, — а к нему.

К несчастью, мистер Диккенс не услышал слов сына и продолжал пребывать в растерянности, пока строгий мужчина не попал в поле его зрения. Мужчина подошел к креслу и достал из внутреннего кармана большой медный рожок, который вызвал бы у меня и у вас воспоминания о старомодном граммофоне, какие можно увидеть только в допотопных фильмах... Не могу сказать, какие воспоминания могли пробудиться при виде этого рожка у Эдди и его отца, потому что ни граммофона, ни кинематографа тогда еще не изобрели. Строгий мужчина засунул тонкий конец рожка в ухо испуганного мистера Диккенса.

— Если я подарю твоему папе этот слуховой рожок, тогда никому не придется кричать, — проговорил строгий мужчина прямо в медный рожок. — Мне поручено составить каталог этой библиотеки, но я не смогу выполнить работу в наме-

ченный срок, если меня будут постоянно отвлекать. Поэтому я был бы очень признателен, если бы вы молчали или, по крайней мере, говорили приглушенным голосом.

— Я слышу! — воскликнул мистер Диккенс, выхватывая рожок из рук незнакомца и теперь уже самостоятельно прижимая его к своему уху. — Я слышу!!! — повторил он еще громче. Затем он издал торжествующий крик, то есть произвел

дополнительный шум, чем несказанно огорчил строгого мужчину.

— Пожалуйста, — взмолился тот. — Немножечко потише.

Эдди посмотрел на незнакомца более пристально. Строгий мужчина был ниже Эдди ростом, но зато обладал невероятно пышными усами. На нем были брюки и пиджак в тонкую полоску и черный жилет. Вся его одежда выглядела сильно поношенной и лоснилась на свету. У него было очень мало волос на темени, но роскошные усы с лихвой компенсировали этот недостаток.

— Меня зовут Эдди Диккенс, — представился Эдди. — А это мой отец, мистер Диккенс. Мы приходимся внучатым племянником и просто племянником Безумному Дяде Джеку, владельцу этого поместья... Выходит, это он попросил вас составить каталог библиотеки? — В голосе Эдди прозвучала нота сомнения: он не мог себе представить, чтобы Безумный Дядя Джек мог дать кому-нибудь столь разумное распоряжение. На него непохоже. Разве этого ожидаешь от человека, который использует малиновое варенье в качестве раствора при кладке кирпичей?

— Я мистер Лаллигэг, — представился строгий мужчина. — Меня наняла хозяйка этого дома.

Если предыдущее предположение показалось Эдди просто маловероятным, то последняя новость поразила его до глубины души. Еще Более Безумная Тетя Мод дала этому человеку поручение составить каталог библиотеки Беспросветного Тупика? Трудно ожидать этого от женщины, с которой невозможно вести разумную беседу. Достаточно вспомнить, что она жила в саду в брюхе полрой коровы! Ее лучшим другом было чучело горноста, которое, по мнению Великого Дзуккини, больше походило на чучело хорька! Эдди готов был поклясться, что она вообще не подозревала о существовании в Беспросветном Тупике библиотеки.

— Когда вы приступили к работе? — поинтересовался мальчик.

— Сегодня утром, — сообщил мистер Лаллигэг.

Эдди подумал, что из этого библиотекаря получился бы отличный чревовещатель: ведь за его пышнейшими усами не было видно движения губ.

— Я был бы вам очень признателен, если бы вы говорили немного потише. —

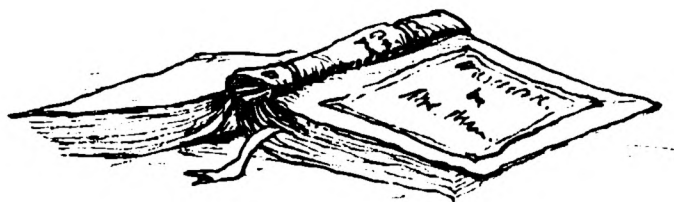
С этими словами мистер Лаллигэг скрылся за стопкой книг; по-видимому, он вернулся на прежнее место, где находился в ту минуту, когда Эдди вошел в библиотеку.

«Вот почему я сразу его не заметил», — подумал мальчик.

— Что за странный малый, — сказал мистер Диккенс. — По-моему, он грубиян. Но этот слуховой рожок может мне пригодиться. Очень полезная вещьца. — Он с удовлетворением хмыкнул и вновь сосредоточился на статье в «Панче».

— Где мама? — спросил Эдди.

— Около половины двенадцатого, — ответил мистер Диккенс.

В те времена жил на свете знаменитый писатель Чарлз Диккенс (не состоявший в родстве с Эдди Диккенсом, за приключениями которого мы с вами следим со столь напряженным вниманием), лю-

бивший наводнять свои книги массой героев с необычайно дурацкими именами. Поскольку его романы были очень длинными, читателю становилось трудно припомнить, кто есть кто; автор решил эту проблему, помещая в начале каждой книги список всех персонажей под заголовком «Персонажи» или «Действующие лица» (что означает примерно то же самое, хотя придает роману отдаленное сходство с пьесой).

Поскольку в нашем повествовании стали появляться новые люди — такие, как мистер Лаллигэг, возникший на страницах книги совсем недавно, — я начинаю жалеть, что не додумался поместить список действующих лиц в самом начале этой истории, но кто сказал, что этого нельзя сделать посередине книги? Может быть, так будет даже и лучше. В самом деле, сейчас вы уже прочитали о многих людях, которые войдут в список, и с легкостью их вспомните, а вот если бы я дал список в начале книги, вы к этому времени позабыли бы половину из них. Ну как, здорово я придумал?

По-моему, просто отлично. Значит, решено. Мы поместим список прямо здесь.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эдди Диккенс — главный герой

Мистер и миссис Диккенс — его родители

Доукинс — скромный джентльмен (лакей)
мистера Диккенса

Бормотунья Джейн — горничная без диплома

Безумный Дядя Джек — хозяин Беспросветного Тупика, где живут все вышеуказанные персонажи

Еще Более Безумная Тетя Мод — его жена,
которая живет с Малькольмом внутри Марджори на клумбе с розами

Малькольм — чучело горностая, которое
иногда называют Салли,

или

Салли — чучело горностая, которое обычно
называют Малькольмом

Марджори — большая полая корова

Мистер Чиви — пилер

Великий Дзуккини — эскаполог

Даннэлиа — его очаровательная ассистентка

Мистер Скиллет — его конструктор-оформитель

Мистер Пригожий — его менеджер

Мистер Вольф Таблет — знаменитый фотограф

Мистер Коллиз — владелец скобяной лавки

Инспектор полиции — инспектор полиции

Мистер Лаллингэг — человек, называющий
себя библиотекарем

А ТАКЖЕ:

отделение отставных солдат, живущих в Беспросветном Тупике, и группа беглых преступников, скрывающихся на болоте

Правда, неплохо? Честно говоря, список выглядит просто классно. Кроме того, он может принести и пользу, напоминая нам о персонажах, с которыми мы не встречались так давно, что, возможно, уже забыли о них. Кстати о забывчивости: не пообещал ли Эдди сделать все от него зависящее, чтобы убедить Вольфа Таблета снять обвинения со всей честной компании эскапологов? А вместо этого он почему-то занялся поисками своей мамы...

Следующим местом, куда зашел Эдди, была кухня Беспросветного Тупика. С тех пор как его мама и папа чудесным образом исцелились от очень странного и довольно зловонного недуга, миссис Диккенс стала необычайно разборчивой в еде. Подойдя к кухне, Эдди увидел наконец свою маму — она беседовала с Доукинсом, скромным джентльменом своего мужа.

— Здравствуйте, Доукинс, — поприветствовал лакея Эдди.

— Здравствуйте, мистер Эдмунд, — отозвался Доукинс с легким поклоном.

На нем был передник в бело-синюю полоску, надетый поверх пиджака; лакей вытирал Малькольма, чучело горностая,

ирландским вафельным полотенцем. При виде этой сцены Эдди сделал вывод, что Еще Более Безумная Тетя Мод находится где-то поблизости.

— Мама... — начал было Эдди.

— Одну минутку, дорогой, — прервала его миссис Диккенс; судя по всему, ее слух восстановился намного быстрее, чем слух отца Эдди.

Она сидела за большим кухонным столом, сортируя бобы, то есть складывая мелкие бобы в одну кучку, а не такие уж мелкие — в другую. Миссис Диккенс сортировала их при помощи своего обручального кольца, которое она сняла с пальца специально для этой цели: те бобы, которые пролезали в отверстие, пополняли кучку мелких бобов (или «маленькую кучку», как называла ее миссис Диккенс). Те, которые не пролезали в кольцо (или могли пролезть, но с риском получить повреждения), отправлялись в кучку не таких уж мелких бобов. Когда пришел Эдди, «маленькая» кучка была не так мала, как «большая» (сообщая об этом тем любопытным особам, которым до всего есть дело).

— Я обсуждаю с Доукинсом меню сегодняшнего ужина, — сказала она. — Через минуту буду в твоём распоряжении.

Эдди по опыту знал, что подобные мамины разговоры получались очень долгими и запутанными (чтобы не сказать бестолковыми). Он попытался объяснить, что у него срочное дело:

— Мне нужно немедленно помочь Даниэлле и мистеру Дзуккини...

— Помолчи, Эдмунд, — снова прервала его мать, поднимая для убедительности обе руки. При этом ее обручальное кольцо полетело в Доукинса (который в этот момент вытирал глаза Малькольма уголком вафельного полотенца), а боб — в Эдди.

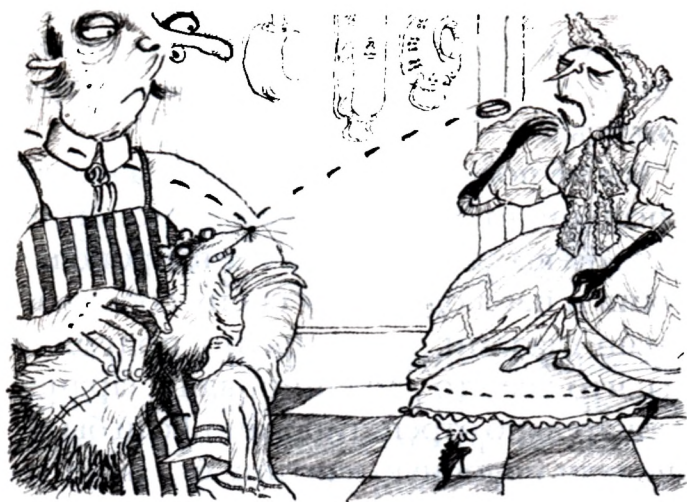
Боб угодил мальчику прямо в глаз. Конечно, было бы гораздо хуже, если бы это была пуля или даже небольшой камушек, но все равно больно.

— Ой! Ой! Ой! — завопил Эдди, хотя у него возникло желание выкрикнуть другие, более грубые слова.

— НЕТ! — завизжала его мать при виде того, как ее обручальное кольцо, отскочив от твердого носа Малькольма, устремилось...

Вы не поверите, когда я расскажу, что произошло в следующее мгновение. Если бы вы даже были на месте происшествия и наблюдали эту сцену собственными глазами, то, вероятно, подумали бы, что все это запланировано заранее и тщательно отрепетировано. Если бы вы увидели подобную картину на сцене, то долго аплодировали бы, отдавая дань мастерству актеров. А если бы вам довелось увидеть подобный эпизод в кино, вы бы повернулись к соседу и сказали: «Интересно, сколько дублей им пришлось снять, чтобы все так ловко получилось?» Если бы вы увидели эту сцену на видео или в домашнем кинотеатре, вы могли бы остановить кадр и проверить, не комбинированные ли это съемки, не монтажный ли трюк...

Короче говоря, обручальное кольцо миссис Диккенс, отскочив от твердого носа Малькольма, устремилось к двери и попало прямо в рот Еще Более Безумной Тети Мод, которая в этот момент переступила порог кухни и зевнула: дело

в том, что с тех пор, как на нее упал украденный воздушный шар Вольфа Таблета, тетю частенько одолевала сонливость.

Безумная Тетя Мод так удивилась, что икнула и проглотила кольцо.

— Мой свадебный подарок! — закричала мама Эдди, имея в виду не презентованный друзьями комплект спортивного инвентаря для игры в бадминтон, а подаренное мужем обручальное кольцо, находившееся сейчас на пути к пищеводу Еще Более Безумной Тети Мод и неминуемо соскальзывавшее все ниже и ниже.

— Зачем ты это сделал? — спросила Еще Более Безумная Тетя Мод. — Решил меня отравить?

Через несколько мгновений тетя ощутила, как в ее шею вцепились пальцы мамы Эдди. Миссис Диккенс пыталась заставить Еще Более Безумную Тетю Мод выкашлянуть кольцо, но та ложно истолковала ее намерения. Она знала только то, что не успела она переступить порог кухни, как кто-то бросил ей в рот какую-то дурно пахнущую пилюлю, а теперь неизвестно кто принялся ее душить.

Но больше всего ее расстроило то обстоятельство (она запомнила это совершенно точно), что пилюля полетела в нее со стороны Малькольма. Неужели Малькольм — ее дорогой, нежно любимый Малькольм — тоже входил в число заговорщиков, надумавших лишить ее жизни? Слезы брызнули у нее из глаз, в то время как миссис Диккенс продолжала трясти ее за шею.

Доукинс положил чучело горностая на стол и попытался со всей доступной ему вежливостью разнять сцепившихся женщин, ни на секунду не забывая, что одна из них была владелицей дома, другая — женой его хозяина, а он сам — всего лишь скромным джентльменом.

— Ты должна выкашлять его, Мод! — кричала миссис Диккенс.

— И ты, Малькольм? — вопрошала Еще Более Безумная Тетя Мод, обращаясь к горностаю; при этом она пыталась сразить предателя с невинными глазками-пуговками своим укоризненным взглядом.

— Леди, успокойтесь! Леди! Леди! — умоляюще причитал Доукинс.

Эдди со вздохом повернулся и вышел из кухни. Теперь он со всей ясностью осознал, что ему остается положиться только на себя. Никто не поможет ему уговорить Вольфа Таблета снять обвинения, выдвинутые против Даниэллы и Великого Дзуккини.

Люди на болоте

Эпизод 7,

*в котором попытка Эдди освободить
других приводит к тому,
что он сам попадает в заточение*

Воздушный шар, на котором Вольф Таблет прилетел на место мнимого захоронения Великого Дзуккини, превратился теперь в «вещественное доказательство», конфискованное полицией в интересах следствия. На самом деле это означало, что пилеры разместили его на заднем дворе полицейского участка (где они обычно играли в футбол) и по очереди летали на нем вверх и вниз. У некоторых из них сносило ветром шляпы, других укачивало, однако все они гото-

вы были согласиться, что это было классное развлечение.

Между тем сам мистер Таблет находился в номере гостиницы «Протухшая Крыса», оправляясь от выпавших на его долю испытаний. Поэтому Эдди и решил пойти в «Протухшую Крысу». Как я уже говорил, он редко выходил за пределы своего двора и плохо знал окрестности. Пока на его голову не сваливались какие-нибудь приключения, он сидел себе дома. Как вы помните, Беспросветный Тупик стал его домом сравнительно недавно, и поэтому мальчик плохо представлял себе местоположение соседних полей, оврагов, деревень и городов. У него не было мотоцикла. Нигде поблизости не ходил маршрутный автобус. Да и куда ему было выбираться? В те времена не было ни «Диснейлендов», ни «Макдоналдсов», где так любят оттянуться современные подростки. Самым большим путешествием могла считаться вылазка в лавку скобяных товаров за скобой для задней двери. Поэтому Эдди понятия не имел, где находится «Протухшая Крыса». Об этом он и хотел спросить у своих родителей, но, как выяснилось, это был дохлый номер.

Лучше всего было расспросить Доукинса, потому что, пока у него имелся достаточный запас оберточной бумаги, он казался довольным жизнью, общительным и услужливым человеком. Однако в данный момент лакей был занят тем, что успокаивал маму Эдди и Еще Более Безумную Тетю Мод. Обращаться с подобным вопросом к Безумному Дяде Джеку не имело никакого смысла. Однажды он по просьбе Эдди принялся рисовать дорогу к булочной, но у него получилось изображение лягушки с зонтиком, которое ему настолько понравилось, что он раскрасил рисунок акварелью, поместил его в рамку и повесил на стену, начисто позабыв о том, что побудило его взяться за карандаш.

Бормотунья Джейн могла считаться идеальной собеседницей, если кому-нибудь нужно было узнать что-нибудь о вязании. То, чего она не знала о вязании, могло уместиться на булавочной головке, и там еще осталось бы место для утренней молитвы и для списка из десяти твоих самых нелюбимых блюд. Но ориентация на местности... Эдди не был уверен, что она смогла бы отличить верх от низа, не говоря уже о том, чтобы отличить правую сторону от левой. Нет,

она не укажет ему дорогу к «Протухшей Крысе».

Что же касается отделения отставных солдат Безумного Дяди Джека...

Эдди в очередной раз вздохнул и решил отправиться куда глаза глядят, а дорогу спросить у кого-нибудь из прохожих. Это был хороший план, но только при условии, что ему действительно встретился бы хоть кто-нибудь.

Через час-полтора ходьбы Эдди вынужден был признаться себе, что он безнадежно заблудился. Сейчас он не смог бы найти дорогу даже в Беспросветный Тупик, так что уж тут говорить о «Протухшей Крысе»? И вообще он забрел в болото.

Если бы это был кинофильм, я попросил бы звукооператора дать в этом месте тревожную музыку. Если бы это была

книга, я закончил бы на этом главу. Пускай нагнетаются страсти. Вы скажете: «Но ведь это и есть книга!» Так-то оно так, но Эдди этого не знал. Вокруг него простирались бесконечные травы, холмы, низкие кустарники, и только время от времени попадались необычайно кривые карликовые деревья без листьев. Вот какое это было гиблое место: даже небольшое дерево не могло на нем вытянуться в полный рост. Эдди потерял из виду церковь святого Ботольфа и не мог сказать, в каком направлении расположен «Беспросветный Тупик». Кроме того что местность была однообразной и в то же время холмистой, в дело вмешался туман.

В книгах наподобие этой (хотя я уже сказал, что Эдди понятия не имел, что он является героем нашей или какой-нибудь другой книги) болото никогда не обходится без тумана. Попробуйте изобразить болото без тумана, и вам тут же скажут, что так не бывает. Как бы то ни было, Эдди заблудился — окончательно и бесповоротно.

«Если бы хоть кто-нибудь меня нашел», — подумал он. Находиться одному на болоте было крайне неприятно. Но когда его желание исполнилось и некто

действительно его нашел, Эдди подумал: «Лучше бы это был кто-нибудь другой». Потому что из клубящегося тумана вынырнуло вдруг самое страшное из когда-либо виденных им человеческих существ.

Начать с того, что оно было огромного роста, с толстой шеей (настолько толстой, что она была не тоньше головы и вообще мало походила на шею) и с лицом, покрытым жуткими шрамами. Эти шрамы напомнили Эдди швы на Малькольме, сквозь которые проступали иногда опилки. Монстр, встреченный Эдди, был совершенно лысым, зато он отличался невероятно волосатыми ушами и грудью, видневшейся через распахнутый верх какой-то удивительной робы, напоминавшей пижаму, украшенную не полосками, а стрелками (именно такой была в то время тюремная форма).

Если вам недостаточно стрелок, чтобы понять, с кем встретился Эдди, добавлю, что гигант носил на цепи черную металлическую гирю величиной с тыкву; другой конец цепи был прикован к его коленке при помощи кандалов. У Эдди не осталось никаких сомнений: перед ним

был один из преступников, сбежавших из тюрьмы Гримпен.

Беглый преступник нагнулся и заглянул прямо в глаза Эдди.

— Ты ведь не будешь кричать, не так ли? — спросил он низким, хриплым голосом. Его зубы оказались желтыми и мелкими, а дыхание — зловонным.

— Н-н-нет, сэр, — пролепетал Эдди, как всегда, вежливо.

— Вот и отлично! — отозвался беглый преступник. — В противном случае мне пришлось бы свернуть тебе шею.

— Это ему запросто, — сказал другой беглый преступник, появившийся из тумана справа от Эдди. Он приблизился так бесшумно, что мальчик едва не выпрыгнул из собственной кожи (так иногда говорят о людях, которых застают врасплох). — Недаром его зовут Костоломом, — добавил второй преступник.

Этот человек был почти так же высок и худ, как двоюродный дедушка Эдди Безумный Дядя Джек, и почти так же страшен, как Костолом, но в другом роде. Волосы торчали из его головы и заостренного подбородка неровными клочьями, глаза с тяжелыми нависшими веками делали его похожим на хищную птицу, готовую стремглав ринуться на зазевавшую-

юся жертву. Посмотрев ему в глаза, Эдди всей кожей ощутил кипевшую за ними работу мысли — колесики вращались, жернова перемалывали полученные сведения.

— Что ты тут делаешь? — спросил Костолом, схватив Эдди за локоть. — Уж не шпионишь ли ты за нами по заданию пилеров?

— Н-н-нет, мистер Костолом, — дрожащим голосом заверил его Эдди. — Я заблудился. Хотел сходить в «Протухшую Крысу», но не нашел туда дорогу. Мои друзья попали в полицейский участок, и я пытаюсь помочь им освободиться.

— Какая интересная история, — с ухмылкой проговорил второй преступник. — Пойдем-ка с нами. — Он взял Эдди за другую руку, и мальчик заковылял неведомо куда по покрытым туманом кочкам, зажатый между двумя беглыми преступниками.

Через несколько минут, которые показались Эдди вечностью, его привели в небольшую пещеру в невесть откуда взявшейся на болоте скалистой гряде. Там находился третий преступник.

Это был человек очень маленького роста — ниже Эдди. У него была бритая голова, большие кустистые брови и ши-

роко открытые глаза с совершенно безумным взглядом. При виде Эдди он стал прыгать и лаять, как маленький щенок, удерживаемый на цепи. Единственное отличие состояло в том, что цепь была прикована к тяжелой гире, а не привязана к собачьей конуре. Эдди решил, что перед ним сумасшедший.

— Это Гавкин, — представил его Костолом.

Гавкин заскулил и с довольным видом потерся о коленки мальчика.

— Я Эдди Диккенс, — сказал Эдди.

— Прости меня за грубость, — с ухмылкой извинился высокий худой преступник. — Я забыл представиться. Меня зовут Гробс...

— Это уменьшительное от Гробман, — пояснил Костолом, и Эдди снова ощутил

его зловонное дыхание. — Известен тем, что вернулся живым из Австралии: а ведь почти все сосланные туда заключенные давно откинули копыта.

Это высказывание вызвало радостное оживление среди беглых преступников: они одобрительно загалдели, а Гавкин заскулил — словом, все вели себя так, как это свойственно плохим парням в книжках, когда к ним в лапы попадает новая жертва.

Эдди решил не показывать виду, что он испуган. Пускай думают, что встреча с ними не произвела на него особого впечатления.

— Я знаю человека, который умеет освобождаться из аквариумов с плотоядными рыбами, из запертых сундуков, поставленных на огонь, и даже из...

— Ты знаешь Великого Дзуккини? — спросил Костолом, поднимая Эдди за предплечье одной рукой так, будто он был не тяжелее цыпленка.

— Д-да, — неуверенно подтвердил Эдди, когда его опустили на замызганный пол посередине пещеры.

— Откуда? — поинтересовался Костолом, нагибаясь к самому носу Эдди. — И не вздумай врать.

В его словах прозвучала столь неприкрытая угроза, что у Эдди пробежал холодок по спине. И он рассказал им историю своего знакомства с эскапологом — всю, без утайки.

— Так ты не знаешь, где сейчас находится катафалк? — спросил Гробс, когда Эдди завершил свой рассказ.

Мальчик отрицательно покачал головой.

— Но он мог бы найти его для нас, — сделал вывод Костолом с заметным волнением. Его дыхание участилось, широкая грудь вздымалась и опускалась, как меха гигантского горна.

Гавкин запрыгнул на булыжник и зарычал.

— Я уверен, что смогу вам помочь! — воскликнул Эдди с искренним воодушевлением: он готов был оказаться в любом другом уголке земного шара, лишь бы не здесь, с этими людьми. Вам, может быть, забавно читать об этом, однако в жизни все иначе.

— Но какие у нас гарантии, что ты вернешься, когда найдешь катафалк? — спросил Гробс.

— Хороший вопрос, — кивнул Костолом.

Гавкин удовлетворенно взвизгнул.

— Ну... я могу дать вам честное слово, — сказал Эдди, не надеясь, что его предложение произведет должное впечатление на преступников.

— Я вижу, ты джентльмен и все такое, — сказал Костолом, — но джентльмены, как правило, не чувствуют себя обязанными держать слово, когда имеют дело с такими, как мы.

— Он имеет в виду беглых преступников и подобную братию, — пояснил Гробс, глядя на Эдди. — Поэтому нам недостаточно твоего слова. Мы должны быть уверены, что ты вернешься.

— Но прежде всего я хотел бы узнать, почему вас так интересуется катафалк, — сказал Эдди. — Если вы хотите выбраться из болота, для этой цели подойдет любой экипаж, была бы лошадь. Достаточно будет даже лошади, запряженной в телегу, не так ли?

В следующее мгновение Эдди почувствовал, что его поднимают в воздух за шею. Это ощущение было для него не совсем новым: этот же прием применила к нему однажды женщина по фамилии Жестокосердая. Но тот случай не шел ни в какое сравнение с нынешним; представьте себе весь ужас положения Эдди:

он один среди туманного болота, в пещере, в окружении беглых преступников — и вдобавок ко всему никто не знает, где он находится.

— Не задавай дурацких вопросов, парень, — посоветовал ему Костолом.

На беду Эдди, этот человек не относился к числу персонажей, ужасных на лицо, но добрых внутри, с какими мы так часто встречаемся в книгах и кинофильмах. Мистер Костолом был ужасным во всех отношениях — как внутри, так и снаружи.

— Какие же мы дураки, черт побери! — воскликнул вдруг Гробс. — Нам нужен вовсе не катафалк. Ведь второго гроба там уже нет. Мальчик сказал, что они захоронили его...

— А людей Дзуккини вскоре после этого арестовали... Ты хочешь сказать, что тот гроб еще в земле? — вытаращил глаза Костолом. — Я думал, что они выкопали его и поставили обратно на катафалк.

— Но лошади понесли, а люди Дзуккини были арестованы... Держу пари, что он все еще под землей, на глубине шести футов. (В те времена принято было опускать гроб именно на шесть футов, хотя некоторые ленивые могильщики прекращали копать землю, углубившись на четыре с половиной фута.)

— Где, по-твоему, закопан гроб? — спросил у Эдди Костолом.

— Мистер Дзуккини сказал, что его закопали неподалеку от церкви святого Ботольфа, — сообщил Эдди, когда Костолом оставил шею мальчика в покое и опустил его на пол. — Но точно я не знаю. Ведь меня там не было.

— Придется тебе найти гроб и выкопать его, — сказал Костолом.

— Только не вздумай убежать и пойти к пилерам... — Гробс осекся на полуслове и погрузился в раздумья. — Мальчишка наш заложник, — сказал он наконец. — Мы должны удерживать его в качестве заложника.

Костолом почесал лысину, как это делают люди на картинках, когда художник хочет дать нам понять, что они *думают*, хотя в реальной жизни такое случается крайне редко.

— Как мы можем удерживать Эдди в заложниках и в то же время послать его выкапывать гроб? Должен быть еще один человек — его друг или родственник, с которого мы не спускали бы глаз, пока мальчишка не вернется. Короче говоря, должен быть человек, которому я мог бы переломать кости, если Эдди вздумает нас одурачить.

— Послушай, Костолом, у меня есть другой план. Мы пошлем родителям мальчишки письмо, в котором будет сказано, что их сын у нас и, если они не выкопают гроб Дзуккини и не принесут нам мешки, мы его изувечим. — Лицо Гробса расплылось в редкозубой улыбке.

— Это хороший план, — поддержал его Костолом. — Даже очень. Но есть одна-две детали, которые мы должны продумать.

— Например?

— Например, как мы пошлем это письмо и что пошлем с ним в качестве доказательства, что их сын действительно у нас.

Эдди слушал во все уши. Он сильно сомневался в осуществимости плана в той части, которая касалась его родителей. Ему трудно было себе представить, что они получают распоряжение и выполнят его в точности по инструкции. С какой стати? Ни один человек в Беспросветном Тупике не был способен выполнить даже самое простое указание. Они ведут речь о его родителях, но где гарантии, что письмо не попадет в руки Безумного Дяди Джека или Еще Более Безумной Тети Мод? Что, если оно окажется в корзине Доукинса с оберточной бумагой еще до того, как кому-нибудь удастся его прочесть? Нельзя допустить, чтобы преступники послали письмо, от которого зависит его жизнь, в Беспросветный Тупик. Это все равно что смириться со смертным приговором!

— Видите ли, господа, я не думаю, что это такая уж хорошая идея, — возразил Эдди. — Дело в том...

Но Костолом, Гробс и Гавкин не намерены были его слушать. Они занялись его раздеванием и не успокоились до тех пор, пока он не остался в одних кальсонах.

— Мы пошлем им твою одежду, — сказал Костолом. — В результате они не

только убедятся, что ты действительно у нас, но и принесут нам мешки вдвое быстрее, чем это сделал бы ты.

— Ты даже не успеешь замерзнуть, — пошутил Гробс, и беглые преступники разразились радостным смехом.

Эдди идет на дело

Эпизод 8,
в котором... Эдди идет на дело

— Подождите минутку, — взмолился Эдди. — Давайте уточним. Вы собираетесь удерживать меня в заложниках, пока мои родители не выкопают гроб?

— Точно так, — подтвердил ухмыльнувшийся Костолом.

— Несмотря на то что Беспросветный Тупик кишмя кишит пилерами, которые ищут доказательства вины Великого Дзуккини и Даниэллы, подозреваемых в краже воздушного шара и так называ-

емом похищении мистера Вольфа Таблета? — проговорил Эдди на одном дыхании.

— Ну и что в этом такого? — пожал плечами Костолом. — Нечего морочить нам голову.

Гробс посмотрел на Эдди своими хищными глазами с нависшими веками.

— В словах мальчишки есть резон, — сказал он.

— Но даже если пилеров там не окажется и письмо попадет в руки моих родителей, ваш план станет известен многим людям...

— Продолжай, — потребовал Гробс. Он стал ходить вокруг мальчика, позвякивая цепью и не сводя с него глаз.

— Дело вот в чем... Я не знаю, чем вам так дороги два мешка, которые вы изготовили по заказу Великого Дзуккини, но мне теперь доподлинно известно, что вы очень заинтересованы в том, чтобы их заполучить. Неужели непонятно, что чем меньше людей будут знать об этом, тем лучше?

Теперь преступники слушали его очень внимательно. Эдди из кожи вон лез, чтобы в дело его спасения не были вовлечены обитатели Беспросветного Тупика: если это случится, ему конец.

— И что ты предлагаешь? — спросил Гробс и застыл на месте. Он положил свою костлявую руку на плечо мальчика, притиснул свой нос к его носу и посмотрел ему прямо в глаза. — Только без шуток, — добавил он шершавым полусшепотом.

Эдди вздрогнул.

— Что вы, какие там штучки! — пообещал он от всего сердца. Ему и в самом деле ничего от них не нужно. Он отдаст преступникам интересующие их мешки, и они его отпустят. Это было пределом мечтаний Эдди. — Если кто-то из вас все равно собирается отнести мою одежду и письмо в Беспросветный Тупик, рискуя быть схваченным, почему бы ему вместо этого не пойти со мной? Вместе бы и выкопали эти ваши мешки.

Гробс и Костолом погрузились в размышления: они хотели понять, нет ли какого-нибудь изъяна или подвоха в плане, предложенном мальчиком. Что касается Гавкина, то он, кажется, больше интересовался кустом чертополоха, который рос у входа в пещеру.

— Я понял, в чем загвоздка! — воскликнул вдруг Костолом. — Сама идея заставить кого-нибудь выкопать гроб вместо нас возникла оттого, что человек в робе

со стрелками, копающий яму, покажется подозрительным любому прохожему.

— Он покажется подозрительным, даже если не будет копать яму, — заметил Гробс.

— Это дело поправимое, — сказал Эдди в надежде, что они не обнаружат других сомнительных моментов в наско-ро придуманном плане, от которого зависела его жизнь. — Вместо того чтобы посылать мою одежду в Беспросветный Тупик, почему бы не одеть в нее Гавкина? Она ему подойдет. К тому же в этом случае он сможет показать мне дорогу в деревню. Не забывайте, что я заблудился. Кроме того, мы сможем выкопать гроб вместе. Это сэкономит кучу времени...

— А что, если кто-нибудь остановится и спросит, что вы делаете? — спросил Костолом.

— Мальчик скажет, что он член труппы Великого Дзуккини и что ему поручили забрать реквизит после того, как номер был прерван из-за прибытия мистера Вольфа Таблета на воздушном шаре, — предложил Гробс, в то время как Гавкин, чье поведение все более походило на поведение возбужденного щенка, лизал ему ухо.

Трое заключенных переглянулись. Костолом кивнул. Гробс тоже кивнул, а Гавкин удовлетворенно заурчал.

— Принято единогласно, — заключил Костолом. — Мы будем придерживаться твоего плана. Но отложим его выполнение до утра.

Эдди чрезвычайно обрадовался, что его жизнь не будет зависеть от родителей или, боже упаси, от Безумного Дяди Джека и Еще Более Безумной Тети Мод, но мальчик понимал, что ситуация оставалась очень опасной. И ему захотелось поскорее приступить к делу, которое должно было приблизить его освобождение.

— А не могли бы мы пойти уже ночью? — предложил он. — Ведь, насколько мне известно, большинство преступлений совершается под покровом темноты. — Он где-то вычитал это выражение.

— Это слишком опасно, — возразил Гробс. — Когда на болоте стоит такой густой туман, практически невозможно выбраться из него ночью. Вы оба кончите тем, что соььетесь с пути и завязнете в трясине.

Если вы не знаете, что такое трясина, я вам объясню. Это грязь, которая может засосать вас так быстро, что вы не успе-

те унести ноги, и так глубоко, что вас никогда не найдут.

Одно это было уже достаточно веским основанием, чтобы остаться в пещере до утра, но у Гробса нашелся еще один, не менее сильный аргумент.

— Поисковые партии пилеров работают по ночам, — сказал он, — потому что находятся такие глупые преступники, которые пытаются улизнуть, воспользовавшись темнотой. Достаточно зажечь спичку или посветить фонарем, как полицейские спустят на вас всех своих собак.

— Значит, до утра, — улыбнулся Костолом, человек-гора. — Заодно и познакомимся получше.

Чтобы исключить возможность побега Эдди, каждый заключенный обмотал вокруг него свою цепь, поэтому мальчику пришлось спать посередине большого металлического узла. Гавкин свернулся калачиком у него в ногах, как маленький щенок, а Костолом и Гробс повернулись к нему спинами (один слева, другой справа), растянувшись на покрытом песком полу пещеры. Гробс оказался самым большим умником: он свернул одежду Эдди в клубок и использовал ее в качестве подушки.

Эдди вряд ли удалось бы заснуть, даже если бы цепи не были такими тяжелыми, пол пещеры — таким твердым, Костолом и Гробс не храпели бы так громко, а Гавкин не подвывал бы время от времени и не покусывал бы его за ноги, как щенок, которому снится, что он охотится на кроликов. Нет, главной причиной, мешавшей ему уснуть, был страх.

Эдди казалось, что время остановилось. Он не мог дождаться рассвета, но, когда наконец взошло солнце, преступники решили позавтракать, прежде чем Эдди и Гавкин отправятся за мешками. Завтрак состоял из горстки листьев и травы.

— Ты должен подкрепиться, впереди тяжелый день, — сказал мальчику Гробс. —

Нам приходилось питаться зеленью все это время. Может быть, ты принесешь нам заодно и нормальной еды?

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверил его Эдди, думая о том, как бы незаметно выплюнуть изо рта комков прожеванных листьев.

Теперь осталось только облачить Гавкина в одежду Эдди. Гавкин оказал некоторое сопротивление, проявив при этом необыкновенную вертлявость, поэтому одеть его было не легче, чем поменять пеленки упрямому ребенку (вы поймете меня, если вам когда-нибудь случалось это делать). Затем возникла небольшая проблема с гирей и цепью. Они не могли натянуть левую штанину через гирю, и пришлось поднять ее за цепь, с тем чтобы Гавкин мог держать гирю в руках; в противном случае ее пришлось бы волочить за собой по земле.

(Сказать по правде, я поначалу и сам не очень-то понял, как они умудрились с этим разобраться, но, поскольку у меня привычка излагать все с предельной достоверностью, я привязал велосипедную цепь к своей коленке и попытался натянуть на себя вторую пару брюк поверх тех штанов, которые уже были на мне, не пропуская сквозь штанину тот конец

цепи, к которому должна была быть прикована большая металлическая гиря. Но тут, как назло, позвонили в дверь, и, так как мне должны были принести посылку с интересной книжкой, я страшно запутался в цепи и упал, однако могу сказать со всей определенностью: теперь я знаю, каким образом они умудрились натянуть на Гавкина одежду Эдди, несмотря на цепь, гирию и все такое.)

Наступила пора двигаться в путь.

— А теперь послушай меня, парень, — обратился к Эдди Гробс. — Гавкин отлично ориентируется на местности. У него, так сказать, нюх. И он всегда может тебя догнать, несмотря на цепь и гирию. И он очень больно кусается. Поэтому все должно идти по плану. И никаких фокусов. Ты меня понял?

— Никаких фокусов, — заверил его Эдди, и они отправились в путь.

Гробс оказался прав. Маленький Гавкин мог развить очень большую скорость. Даже гиря, которую приходилось держать в руке, не слишком ему мешала. Время от времени он оглядывался, чтобы проверить, следует ли за ним Эдди, и поджидал мальчика, когда тот отставал. Вскоре они добрались до края болота, а через час после этого Эдди вдруг узнал место, где они находились.

— Я знаю, как дойти отсюда до церкви святого Ботольфа, — взволнованно сказал он.

Теперь настала его очередь показывать дорогу, Гавкин же (на котором, если вы помните, была одежда Эдди) следовал за ним по пятам.

Они двинулись к церкви напрямик через лужайку, и штанины кальсон Эдди промокли от утренней росы. Затем они стали петлять между могилами, которые торчали тут и там, как сломанные зубы дракона. Наконец они подошли к невысокой каменной церковной стене.

— Здесь! — воскликнул Эдди, показывая на холмик взрыхленной земли на соседнем участке. Он перелез через стену и подскочил к нужному месту. — Думаю,

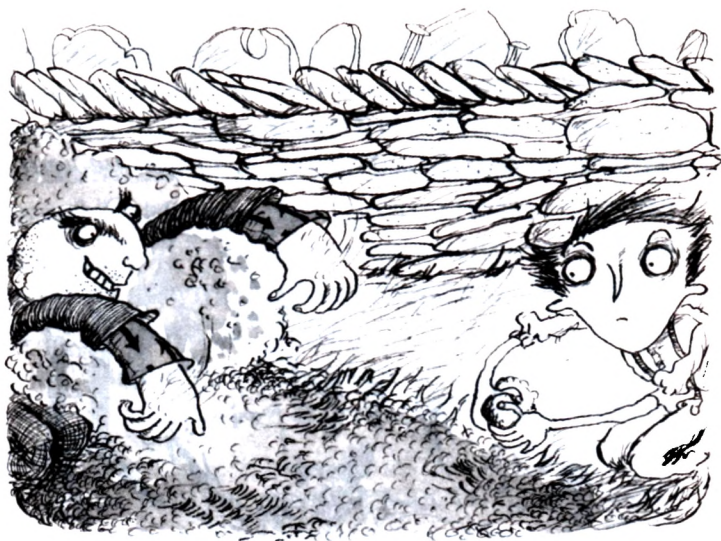
это она. По размеру это обычная могила, а количество выкопанной земли позволяет предположить, что внизу находится гроб.

— Копай, — приказал Гавкин, и это было первое человеческое слово, которое услышал от него Эдди. Сказать по правде, до этой минуты мальчик не был уверен, что его напарник умеет разговаривать.

И тут Эдди с ужасом осознал, что в его плане имелось досадное упущение, которое могло стоить ему жизни. Он не подумал о лопате. Да что там говорить, они не прихватили с собой даже совка; чайной ложки — и то не было.

— Чем? — спросил Эдди.

Не теряя времени на ответ, Гавкин перескочил через стенку, в два прыжка приблизился к предполагаемой могиле, опустился перед ней на колени и начал копать передними лапами — извините, конечно, я должен был сказать «руками», — как собака, торопящаяся извлечь из земли свою любимую кость. Расковыривая землю, он отгребал комья себе за спину. Эдди принялся копать таким же образом с другой стороны холмика. Дело шло очень медленно.

«На то, чтобы выкопать гроб таким макаром, понадобится несколько лет», — подумал Эдди.

Ему казалось, что он копает уже не первый год. На самом деле время близилось к полдню, а они выкопали только две маленькие ямки.

— Что это вы тут делаете? — спросил знакомый голос.

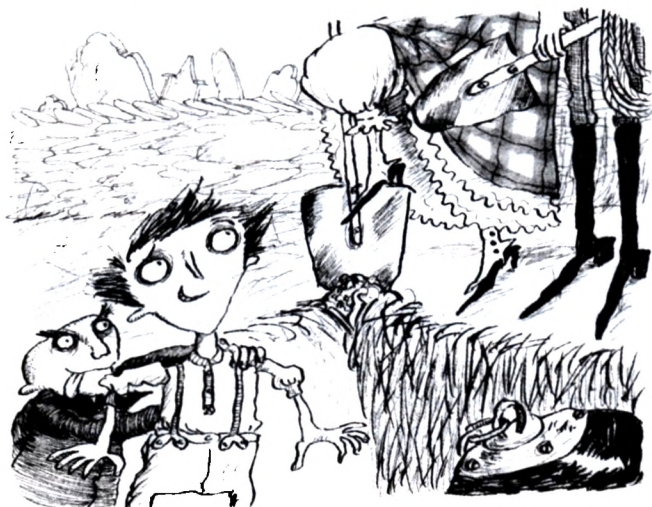
Эдди вздрогнул и поднял голову. Перед ним стоял Дзуккини со своей любимой ассистенткой; у каждого было по лопате. В это мгновение Эдди почувствовал, как что-то острое уперлось ему в спину. Должно быть, у Гавкина был нож. «Одно неосторожное слово, и мне конец», — промелькнуло в голове у Эдди.

Всеобщее освобождение

Эпизод 9,

в котором освобождаются все кому не лень

— **З**дравствуйте, — сказал Эдди, стараясь не выдать голосом своего страха.

— Что это вы тут делаете? — снова спросила Даниэлла.

— Я хотел задать тот же вопрос вам, — отозвался Эдди, глядя снизу вверх на красавицу с верблюжьим лицом. — Когда мы виделись в последний раз, вы оба были в полицейском участке. И вас вроде бы не собирались отпускать.

— Я вижу, ты забыл, что имеешь дело с величайшим в мире эскапологом, —

гордо проговорила Даниэлла. — Неужели ты думаешь, что его может удержать в своих стенах какая-то местная тюрьма?

Великий Дзуккини благосклонно принял похвалу своей ассистентки и отвесил присутствующим легкий поклон. Затем его взгляд упал на Гавкина, улыбавшегося из-за спины Эдди.

— Ты не собираешься представить мне своего коллегу? — спросил он у мальчика.

Эдди почувствовал, как острый предмет, прижатый к его спине, еще сильнее вдавился в тело.

— Это мистер Гавкин, — пролепетал он. — Друг моего Дяди Джека.

— А почему ты без одежды? — спросила Даниэлла.

— Ээээ... гимнастика на свежем воздухе, — ответил Эдди, как ему казалось, бодрым голосом. — Мой двоюродный дедушка озабочен состоянием моего здоровья. Вот он и посоветовал мне как можно больше заниматься гимнастикой. На свежем воздухе. А мистер Гавкин мой тренер. Сейчас у нас утренняя пробежка...

— Спортивная гиря, — произнес чей-то голос. Это оказался голос Гавкина. Он вручил Эдди гирю на цепи.

Мальчик от неожиданности уронил ее на землю, но тут же поднял с идиотской улыбкой на лице.

— Бег... упражнения с гирями... копанье... — пробормотал он, не в силах придумать что-нибудь более убедительное. — Ничто так не укрепляет здоровье...

— Но почему вы решили копать именно здесь? — прервал его Великий Дзуккини.

— И почему на нем твоя одежда? — настаивала Даниэлла.

— Замолчи, — сказал Эдди, впадая в отчаяние. Он был сыт по горло оправданиями и объяснениями.

— Что?

— Ничего... Я имел в виду...

Великий Дзуккини сделал шаг вперед и воткнул свою лопату в землю.

— Я с удовольствием поболтал бы с вами еще немного, но мне нужно срочно выкопать свой гроб и поставить его на заднюю площадку катафалка, пока пилеры до нас не добрались.

— Мы вам поможем, — сказал Гавкин.

Острая боль в спине Эдди внезапно прекратилась. Глаза мальчика встретились с глазами беглого преступника. Слова «только без штучек» не выходили у него из головы.

Эдди взял лопату Даниэллы и стал копать, присоединившись к Великому Дзуккини и Гавкину, который вновь принялся рыть землю передними лапами — простите, руками.

Если бы Эдди был безумно смелым парнем, он, возможно, ударил бы Гавкина лопатой по голове, но это легче сказать, чем сделать. Стукнуть таким образом человека не так-то просто. А что, если удар получится слишком сильным и его голова расколется, как орех? И что будет, если ударить его недостаточно сильно? «В этом случае он отнимет у меня лопату и ударит меня, да так, что мало не покажется», — подумал Эдди. И сосредоточился на копании.

Даниэлла присела на стенку. Одного вида ее нижних юбок было достаточно, чтобы Эдди забыл об опасности, исходящей от Гавкина.

К тому времени, когда они добрались до крышки гроба, все трое изрядно разгорячились и вспотели. Кальсоны Эдди были перепачканы землей, вакса, украшавшая волосы Дзуккини, размякла и стала расползаться по его щекам, а маленькая лысая голова Гавкина покраснела от напряжения.

Дзуккини спрыгнул на крышку гроба, и Даниэлла кинула ему конец веревки. Он быстро и умело обмотал веревку вокруг гроба, после чего Эдди и Даниэлла подали ему руки, чтобы помочь выбраться наверх. Затем они общими усилиями подняли гроб и поставили его на траву. Дзуккини отвязал веревку.

— Скиллет и Пригожий должны подъехать сюда на катафалке, а вскоре подвезут и остальной реквизит, — сообщил он. — Пилеры нашли катафалк в деревне. Лошади устроили водопой у пруда. Пилеры были настолько глупы, что поставили катафалк в конюшню на заднем дворе полицейского участка. Очень удобно!

— А что вы собираетесь делать потом? — поинтересовался Эдди. — Вы не сможете исполнять свой смертельный номер, если вас разыскивает полиция!

— Одно из двух: либо я найду способ убедить мистера Вольфа Таблета снять обвинение...

— То, что обещал сделать ты, — язвительно напомнила мальчику Даниэлла.

Эдди покраснел как рак. Если бы он мог рассказать ей о беглых преступниках, о том, кем на самом деле был столь безобидный на вид мистер Гавкин!

— ... Либо пошлю к Рождеству большой ящик вина в полицейский участок, — продолжал Дзуккини. — Просто диву даешься, когда осознаешь, сколько готовы простить и забыть пилеры в обмен на несколько бутылок хорошего портвейна, запеченного с яблоками гуся или пудинг со сливами.

— Открой его! — рявкнул голос над самым ухом Эдди.

Гавкин пнул ногой крышку гроба.

— Вы не будете возражать, если мы откроем гроб? — обратился к эскапологу Эдди.

— На кой черт вам это нужно? — изумился Великий Дзуккини.

— Что вы задумали? — спросила Даниэлла. — Я сразу поняла, что вы недаром принялись копать землю именно в этом месте.

— Пожалуйста, — взмолился Эдди, глядя на Дзуккини.

— Ладно, валяйте, — согласился великий эскаполог. — Но учтите: внутри нет ничего, кроме пары мешков с песком. Все равно вы не узнаете, как продельвается остальная часть трюка. И не надейтесь выведать у меня этот секрет.

Он склонился над гробом и, достав неведомо откуда нечто среднее между

гвоздодером и отверткой, отвинтил шурупы по краям гроба и снял крышку.

Все заглянули внутрь. Как и ожидалось, там лежали два мешка с песком, на которых было написано:

ТЮРЬМА ГРИМПЕН

Но тут властный визгливый голос прорезал тишину, словно удар хлыста:

— Руки вверх! Ни с места!

Эдди мысленно застонал. Сначала Гавкин, а теперь кто? Он медленно поднял голову и с удивлением увидел перед собой мистера Лаллигэга, строгого мужчину из библиотеки! Однако этот человек сильно изменился с тех пор, как Эдди встретил его впервые в Беспросветном Тупике. На нем были те же поношенные брюки в тонкую полоску, слегка лоснящийся пиджак и черный жилет. Все так же блестела лысина, слегка прикрытая аккуратно зачесанными сбоку через макушку остатками волос. У него и теперь были самые пышные из всех усов, какие Эдди выпала честь увидеть так близко...

Что же поразило Эдди в его облике? То, что сейчас мистер Лаллигэг держал в руке огромный револьвер.

— Этого еще не хватало, — пробормотал Эдди. — Давненько на меня не наставляли револьвер.

Если вы читали «Беспросветный Тупик», то знаете, что он имел в виду.

Эдди, Великий Дзуккини и Даниэлла подняли руки. Крышка гроба, которую теперь некому было держать, со стуком захлопнулась. Наступила мертвая тишина.

— Это место становится более многолюдным, чем улица Пикадилли, — процедила сквозь зубы Даниэлла.

— Итак, с кем мы имеем дело? — проговорил наконец мистер Лаллигэг. — Мистер Коллинз, владелец скобяной лавки. Мистер Эдмунд Диккенс из большого дома... а кто вы, дорогая?

— Меня зовут Даниэлла, — ответила Даниэлла. — А теперь удовлетворите мое любопытство. Мне хотелось бы узнать, что делает такой маленький человечек, как вы, с таким большим револьвером?

Эдди проникся гордостью за Даниэллу. Она ни капельки не испугалась Лаллигэга!

Девушка повернулась к Эдди и сказала:

— А на твоём месте я бы прекратила пускать слюни.

— Вы ошиблись: я не мистер Коллинз, владелец... — начал было Дзуккини.

— А я, как вы, мистер Эдмунд, должно быть, уже догадались, не библиотекарь, — прервал эскаполога мистер Лаллигэг.

А теперь, пока вы, мои дорогие читатели, не успели поднять шум и не запротестовали: «Ведь вы же сами сказали, что мистер Лаллигэг — библиотекарь; вот и в перечне действующих лиц он значится как библиотекарь. Если уже и автор не говорит правду, то кому нам верить?» Спокойно, дети мои, спокойно. Прошу вас без лишних слов вернуться на соответствующее место и заново просмотреть перечень действующих лиц, но только держите палец на этой странице, а то окончательно запутаетесь. Видите? Я написал:

Мистер Лаллигэг — человек, называющий себя библиотекарем.

Таким образом, вам придется признать, что я был с вами совершенно честен. Честнее некуда.

— Значит, на самом деле моя двоюродная бабушка не поручала вам составить каталог книг, не так ли? — спросил Эдди.

— Нет, — признался мистер Лаллигэг. — Чем мне нравятся дома, подобные Беспросветному Тупику, так это тем, что их обитатели сами не знают, кто живет бок о бок с ними и почему. Например, вы знаете, что под главной лестницей живет женщина? Та, что носит на шее медальон в виде клочка вязаной материи...

— Конечно, знаю. Это Бормотунья Джейн. Она переехала сюда вместе с нами из прежнего дома.

— Вот как... — Мистер Лаллигэг выглядел немного растерянным. — Короче говоря, когда я узнал, что Великий Дзуккини находится где-то поблизости, мне пришлось выдать себя за библиотекаря, чтобы проникнуть в дом. Я должен был знать, что там происходит.

— Так кто же вы на самом деле? — спросила Даниэлла, всем своим видом давая понять, что этот человек не произвел на нее особого впечатления. — Раз уж сами сказали, что вы не библиотекарь, признавайтесь до конца.

— Я тот, кто отстаивает интересы других людей, — витиевато проговорил мистер Лаллигэг. — А теперь, будьте добры, отойдите от гроба. Я возьму то, за чем пришел. Простите за угрозы, — извинился он, взмахивая револьвером, — но я не

знаю, кому из вас можно доверять, а кому нет. Поэтому продолжайте держать руки вверх, подойдите к стене и ложитесь на траву лицом вниз. Если кто-нибудь поднимет голову, я буду вынужден его шлепнуть.

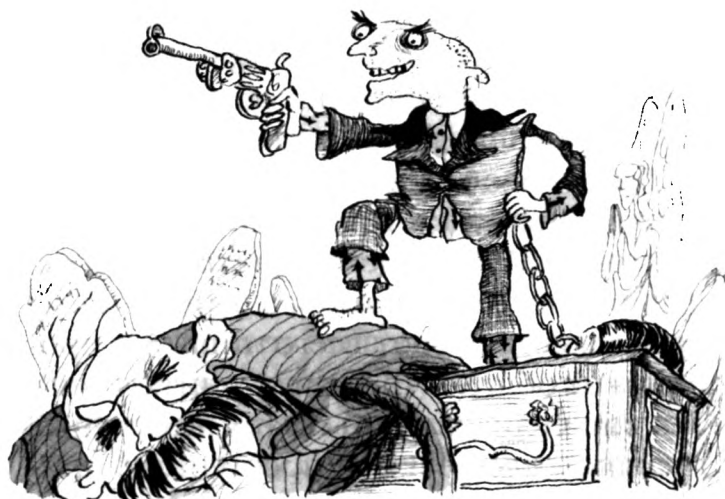
Хотя Эдди не был знаком со всеми эвфемизмами, связанными со словом «застрелить» (эвфемизм — это приятное слово или словосочетание, заменяющее неприятное с тем же значением; например, вместо того чтобы сказать, что человек выдержал трехчасовой экзамен, вы говорите: «Он прошел маленький тест»), мальчик мгновенно сообразил, что дело может кончиться пулей у него в животе (или в какой-нибудь другой части тела). Поэтому он в точности исполнил все, о чем попросил его мистер Лаллигэг, то есть лег на траву лицом вниз. Дзуккини и Даниэлла сделали то же самое; поэтому никто из них не увидел, что произошло дальше.

Они слышали возбужденные крики, гавканье и звон цепи, а потом грозное рычание. Тут уж они не удержались и подняли головы, чтобы узнать, чем кончилось дело.

В открытом гробу стоял Гавкин с торжествующей улыбкой на маленьком

личике. Теперь уже он владел револьвером — и ситуацией; и без того большой, револьвер показался Эдди поистине огромным в маленькой лапе преступника. Прежний владелец револьвера лежал наполовину внутри гроба, наполовину снаружи, и было ясно, что Гавкин расправился с ним при помощи цепи и гири.

Дело было так: когда мистер Лаллигэг открыл гроб, не ожидая найти в нем что-либо, кроме двух безобидных мешков изпод песка, он был встречен далеко не безобидным преступником, готовым на все.

Я знаю, что самые смышленные из моих читателей (которые составляют 37,2 процента от их общего числа) уже

догадались, что Гавкин все это время не дремал. Остальные же подумали, что бес-толковый автор на какое-то время просто позабыл об этом персонаже. В самом деле, сначала возле гроба находились четверо, включая беглого преступника, а с появлением мистера Лаллигэга их осталось трое — Эдди, Дзуккини и Даниэлла.

Из 37,2 процента моих смысленных читателей 26 процентов решили, что Гавкин каким-то образом умудрился сбежать. И только 14 процентов из исходных 37,2, заметив, что Гавкин перестал фигурировать в истории, догадались, что он успел спрятаться в гробу, прежде чем остальные подняли руки, захлопнув тем самым крышку у него над головой.

Теперь я обращаюсь к этим 14 процентам (не будем говорить, что 14 процентов из 37,2 процента читателей, догадавшихся, что Гавкин все это время не дремал, составляют всего лишь 5,2 процента от общего числа моих читателей). Так вот: если ты один из тех, кто понял, где находился беглый преступник, прими мои самые искренние поздравления. Автор рукоплещет. Bravo! Брависсимо! Аплодисменты переходят в овацию. Все встают.

Ну и ладно. Этого достаточно. Не стоит так уж задирать нос. Лучше вернемся к нашему повествованию.

— Отличная работа, мистер Гавкин, — сказал Великий Дзуккини, поднимаясь на ноги и подходя к гробу; ему и в голову не приходило, что он имеет дело с вооруженным и очень опасным преступником. — Отличная работа!

Эдди вскочил и подал руку Даниэлле, помогая ей встать. От прикосновения к ее коже мальчик ощутил легкое покалывание у себя в животе.

— Кто такие Скиллет и Пригожий? — спросил Гавкин.

Должно быть, он вспомнил, что Великий Дзуккини говорил об их ожидающемся прибытии, прежде чем на сцене появился мистер Лаллигэг.

— Это мой конструктор-оформитель и мой менеджер. Они будут здесь с минуты на минуту, — сообщил Дзуккини. — Можете опустить пушку, мой дорогой. Удар по голове, которым вы угостили этого парня Лаллигэга, надолго вывел его из строя.

— В яму, пожалуйста, — приказал Гавкин, направив револьвер в живот великого эскаполога.

— Я не понимаю... — запротестовал Дзуккини.

— Он хочет, чтобы мы залезли в яму, — вздохнул Эдди.

— Нет. Ты останешься со мной, — сказал мальчику Гавкин.

— Гавкин — один из беглых преступников, о которых в последнее время столько говорят, — пояснил Эдди. — Он любит, чтобы ему подчинялись. Беспрекословно и без шуток.

Великий Дзуккини и Даниэлла спустились в яму, а Эдди вывалил из гроба верхнюю часть бесчувственного тела мистера Лаллигэга.

Затем мальчик забрался в гроб и в конечном итоге оказался там вместе с Гавкиным, его цепью, гирей, револьвером и двумя мешками с песком.

Ситуация стала предельно ясной: стоит кому-нибудь из троих сидящих в яме отколоть какую-нибудь штучку, как Эдди получит свою порцию свинца в живот. Вы можете с тем же успехом употребить здесь и любой другой из известных вам эвфемизмов.

* * *

Вообразите картину, представшую перед глазами мистера Пригожего и мистера Скиллета, когда они подъехали к намеченному месту возле церковной стены

на катафалке — том самом, который установился на подъездной дорожке к Беспросветному Тупику в самом начале нашей истории. Иногда мне кажется, что с тех пор прошло уже много лет. Мистер Пригожий и мистер Скиллет ожидали, что их встретят у дороги Великий Дзуккини и Даниэлла с выкопанным гробом. У них все было готово, чтобы затащить его на заднюю площадку катафалка и, не теряя времени, умчаться как можно дальше от злополучного места. Вместо этого они увидели холмик земли, яму, лежащий рядом с ней гроб — и ни души вокруг!

Поскольку они скрывались от полиции, ни мистер Пригожий, ни мистер Скиллет не желали привлекать к себе внимания криками типа: «Великий Дзуккини! Даниэлла! Где вы?!» Поэтому они решили сначала затащить гроб в катафалк, а потом уже заняться поисками своих пропавших коллег.

Разумеется, когда они подошли к гробу, Гавкин (который наблюдал за их приближением сквозь узкую щель между крышкой гроба и его корпусом) вскочил на ноги и направил револьвер на вновь прибывших.

— Черт побери! — воскликнул Скиллет, который и сам провел пару лет за

решеткой за кражу пуговицы от пальто. — Это Артур Брант, грабитель-миллиардер!

— Вообще-то его зовут Гавкин, — уточнил Эдди, вставая на ноги. У него затекла шея оттого, что приходилось все время сгибать ее, прячась в гробу.

— Просто он родом из села Гавкино, — сообщил Скиллет. — Это название местности, а не имя.

Эдди посмотрел на своего напарника с возросшим уважением. Неужели этот человек и есть тот грабитель-миллиардер, о котором столько писали в газетах, когда его удалось наконец арестовать несколько лет назад?! Он считался гением преступного мира. Настоящим мастером своего дела.

Гавкин посмотрел на Скиллета, и весь его облик внезапно изменился.

— Не думал, что меня так легко узнать, — проговорил он упавшим голосом. — Поздравляю, мистер Скиллет, у вас наметанный глаз.

Куда делся его хриплый, гавкающий голос? Теперь он звучал мягче шелка: это был голос настоящего джентльмена. Да и сам Гавкин совершенно преобразился, словно услышал окрик строгой учительницы: «Перестань гримасничать!»

Теперь, когда он смахнул идиотскую ухмылку со своего лица, его брови опустились, и он уже ничем не напоминал щенка в витрине зоомагазина. Он приобрел вид образованного, интеллигентного — и даже, может быть, галантного — человека.

— Не могу вам передать, как мне не нравится слово «грабитель», — сказал он. — Когда слышишь это слово, представляешь себе вора, крадущегося в ночи. А я обычно обворовывал дома, в которые был приглашен. Я брал только самое лучшее: самые дорогие ювелирные изделия у самых дорогих мне людей. Покинув свое жилище, я решил полностью сменить имидж (что означает примерно следующее: «Ударившись в бега, я изменил внешность до неузнаваемости»). Нет ли у кого-нибудь из вас ножа?

— А чем вы тыкали мне в спину, чтобы заставить меня молчать? — спросил Эдди, с интересом наблюдая за изменениями, происходившими с этим необычным человеком, который невольно оказался его напарником.

— Это был не нож, Эдди, — сказал Гавкин. — Я, как ты изволил выразиться, тыкал в тебя огрызком морковки, который

нашел у тебя в кармане: ведь на мне твоя одежда.

Эдди застонал. Его обвели вокруг пальца при помощи его же собственной морковки! Между тем Скиллет осторожно протянул Гавкину перочинный ножик.

Гавкин выстроил Эдди и вновь прибывших перед ямой — с тем, чтобы все они находились у него под прицелом. Согнувшись, но не теряя из виду никого из своих пленников, он взрезал один из мешков. Попробуйте догадаться, что в нем оказалось? «Конечно песок, — скажет какой-нибудь незадачливый читатель. — Ведь это были мешки с песком». Но, когда Гавкин вынул из прорези свободную руку, в ней была зажата горсть драгоценностей.

Драгоценности сверкали на солнце, как это свойственно ювелирным изделиям высшего качества. Гавкин, он же миллиардер Брант, снова засунул руку в мешок и вытащил оттуда еще одну горсть драгоценностей. Там были ожерелья, коллье, брошки, браслеты из золота и серебра, украшенные бриллиантами, рубинами, сапфирами, жемчугом...

— Как все это попало в наши мешки? — разинул рот от изумления Скиллет,

конструктор-оформитель Великого Дзуккини. — Оказывается, мы возили в катафалке несметные сокровища, не подозревая об этом!

— Эти мешки были изготовлены в тюрьме... — вспомнил Эдди. — Дзуккини рассказывал, что заключенные обычно шили мешки для почты, но на этот раз сделали мешки для песка по его специальному заказу...

— Замолчи, пожалуйста, — приказал Гавкин и добавил, обращаясь к конструктору-оформителю: — Мистер Скиллет, вы представляетесь мне человеком, который умеет ловко завязывать узлы.

* * *

Через несколько часов, когда настоятель церкви святого Ботольфа, срезав путь, двинулся к храму через лужайку, он заметил яму возле церковной стены.

«Какому дурню взбрело в голову копать здесь яму? — подумал он. — Кто-нибудь может в нее упасть».

Заглянув в нее, он увидел Великого Дзуккини, его менеджера мистера Пригожего, его конструктора-оформителя мистера Скиллета, его милую ассистентку Даниэллу и человека с огромными усами, связанных вместе одной верев-

кой. У каждого рот был заткнут кляпом, сделанным из мешковины. Они сидели на пустом гробе, перепачканные землей.

Когда настоятель церкви помог им освободиться и выслушал их рассказ, он пришел в ужас. Как выяснилось, некоторых из его собеседников разыскивала полиция!

Но куда подевались Эдди и Гавкин (Артур Брант, миллиардер-грабитель из деревни Гавкино, настаивал, чтобы Эдди и дальше называл его этим именем)? Они неслись в катафалке к болоту на бешеной скорости. На козлах сидел миллиардер-грабитель и махал хлыстом, как безумный цирковой укротитель.

Это щемящее чувство полета

Эпизод 10,
*в котором почти вся семья Эдди
оказывается в корзине*

Вольф Таблет, знаменитый фотограф (а в те времена было очень мало фотографов, даже незначительных) стоял в кабинете инспектора полиции и смотрел в окно на свой чудесный воздушный шар.

— Я очень благодарен вам за то, что вы отыскали мой воздушный шар, инспектор, — сказал он. — Но я не могу понять, что мешает мне его забрать? Скоро начнутся скачки. Я намереваюсь заснять галопирующих лошадей с высоты птичьего полета.

— Мы должны сохранить ваш воздушный шар в качестве вещественного доказательства, — пояснил мистер Чиви, пилер, стоявший возле двери кабинета.

— В качестве вещественного доказательства, — подтвердил сидевший за столом инспектор. Точнее, за столом располагался его живот, облаченный в жилетку и костюм в громко кричащую клетку, в то время как остальная часть инспектора находилась возле стены.

— Но у вас есть свидетели, готовые дать показания под присягой. Они видели, кто украл мой воздушный шар, а ваши люди переправили его в участок. Зачем же вам это вещественное доказательство, если и без него все ясно как день?

— Закон есть закон, — изрек пилер.

— Закон есть закон, — повторил за ним инспектор.

Сказать по правде, полицейские готовы были уцепиться за соломинку. К этому времени — после того, как Дзуккини и его команда сбежали, — у них на руках не осталось ничего, кроме этого злосчастного воздушного шара. Они не были готовы с ним расстаться еще и потому, что привыкли кататься на нем вверх-вниз от нечего делать. Поэтому воздушный шар находился у них в рабочем состоянии,

то есть его баллон (так называется часть воздушного шара, расположенная над корзиной) был, как всегда, наполнен горячим воздухом. (Это намек для смысленных читателей.)

— Но для меня воздушный шар — не роскошь, а средство производства, — возмутился Вольф Таблет.

Было очевидно, что его терпение уже на исходе. А ведь это была важная персона. Знаменитость. Он мог поднять большой шум. Инспектор заерзал на своем скрипучем стуле.

Дверь распахнулась, и в кабинет ворвались Безумный Дядя Джек и Еще Более Безумная Тетя Мод, державшая на руках, как ребенка, Малькольма, чучело горноста. За ней следовали мистер Диккенс и его жена миссис Диккенс (все еще без обручального кольца).

— Он здесь? — спросил Безумный Дядя Джек.

— Кто *он*? — поинтересовался инспектор, с трудом поднимаясь на ноги. — Как понять это вторжение?

— Мой мальчик, Эдди Диккенс, — ответила миссис Диккенс. — Вы снова заперли его в камере? Он пропал из дому.

Инспектор поднял бровь и посмотрел на мистера Чиви. Пилер покачал головой.

— Нет, сэр, — сказал он.

— Его здесь нет, — ответил инспектор. — И когда он уходил от нас, мальчик подписал заявление, в котором ясно сказано, что он не имеет к нам никаких претензий. Не так ли, Чиви?

— Точно так, инспектор, — подтвердил пилер. — Он расписался над пунктирной линией. Я сам ее начертил. Как сейчас помню.

— Мы беспокоимся не о том случае, — пояснил Безумный Дядя Джек. — Мальчик снова пропал. Он провел эту ночь не в своей кровати.

— Видите ли, его кровать была взорвана несколько дней назад, — пояснила Безумная Тетя Мод, окончательно запутывая дело. — Но он не спал и на той кровати, на которой должен был спать после того, как была взорвана его кровать, если вы понимаете, что я имею в виду.

Очевидно, в этот момент инспектор был далек от понимания, как никогда.

— Короче говоря, мой сын пропал! — воскликнула миссис Диккенс. — Остальное не имеет значения.

— А Малькольм вовсе не пытался меня отравить, — объявила Безумная Тетя Мод. — Это было недоразумение. То, что залетело ко мне в рот, оказалось не отрав-

ленной пилюлей, а обручальным кольцом. Оно отскочило от его носа. Вы понимаете?

— Малькольм? Кто такой Малькольм? — живо заинтересовался инспектор. — И что это за история со взорванной кроватью и отравленной пилюлей, которая оказалась обручальным кольцом?

— Моя жена немного не в себе, она потрясена случившимся, — пояснил Безумный Дядя Джек; он произнес эти слова шепотом, но они прозвучали так громко, что разбудили кота, спавшего под столом инспектора. — Разумеется, она имеет в виду Салли, чучело горноста.

— Я хочу сделать заявление о пропаже моего сына, — сказал мистер Диккенс, не расслышавший ни слова из прозвучавших в кабинете речей. — Его зовут Эдмунд Диккенс.

— Это мальчик, известный также под именем Эдди? — спросил человек маленького роста, только что вошедший в кабинет.

На нем был лоснящийся костюм в узкую полоску и черный жилет. Вся одежда коротышки была перепачкана землей. Невозможно было проследить за движе-

нием его губ, поскольку они скрывались за необычайно пышными усами.

— А вы кто такой, сэр? — со вздохом спросил инспектор.

— Это библиотекарь...

— Слесарь-сантехник...

— Дрессировщик собак...

— Садовник...

— Землемер...

Видите ли, наш герой мистер Лаллигэг рассказывал о себе легенды почти каждому в Беспросветном Тупике, кто был готов его выслушать, — причем каждый раз это были разные легенды. Теперь он впервые говорил о себе правду:

— Меня зовут Эйб Лаллигэг. Я работаю на детективное агентство Пиклтона. Мне поручено разыскать драгоценности, украденные Артуром Брантом, грабителем-миллиардером.

— Из деревни Гавкино? — спросил инспектор. — Он находился в числе заключенных, сбежавших из тюрьмы Гримпен.

— И я боюсь, что он взял Эдди Диккенса в заложники, — высказал предположение детектив. — Я и сам освободился всего полчаса назад. Меня спас проходивший мимо настоятель церкви. Но у нас нет времени, поэтому я не могу вдавать-

ся в подробности. Мы должны спасти мальчика и вернуть сокровища законным владельцам.

— Я так и не понял, кто проходил мимо, — признался мистер Диккенс.

— Настоятель церкви! — воскликнула его жена.

— А как мальчик оказался у беглых преступников? — спросил инспектор. — Где они его нашли?

— На болоте, — объяснил детектив. — Он и сейчас, должно быть, приближается к этому самому болоту. На катафалке. Мы обязаны его догнать. — Посмотрев в окно, он увидел на заднем дворе полицейского участка воздушный шар Вольфа Таблета. — Это идеальное средство передвижения. Вперед!

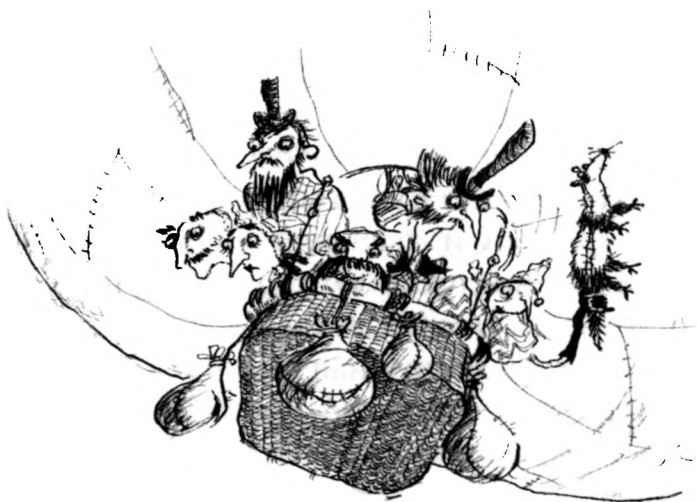
Прежде чем инспектор в костюме в громко кричащую клетку успел выразить протест, все посетители выскочили из его кабинета, стремглав пронеслись по коридору и, высыпав во двор, устремились к воздушному шару.

Победив в состязании вместе со своим горностаем, Безумная Тетя Мод первая запрыгнула в корзину, всего на секунду опередив своего мужа, Безумного Дядю Джека. Мистер Лаллигэг из детективно-

го агентства Пиклтона, заскочивший в корзину вслед за ними, уже отвязывал канаты, когда к ним присоединились мистер и миссис Диккенс.

Последним — уже на лету — успел запрыгнуть в корзину Вольф Таблет, законный владелец воздушного шара. Что касается полицейского инспектора и мистера Чиви, то они безнадежно отстали.

Они могли сколько угодно махать кулаками и кричать: «Вернитесь!» — но воздушный шар поднимался все выше и выше, медленно разворачиваясь по направлению к болоту. Эту спасательную экспедицию уже невозможно было остановить.

— Как вы умудряетесь двигаться туда, куда надо, мистер Таблет? — поинтересовался детектив Лаллигэг. — Ведь у вас даже нет штурвала.

— Все дело в воздушных потоках, — отозвался фотограф, регулируя пламя горелки под баллоном. (Как известно, горячий воздух легче холодного. Поэтому заполненный им баллон поднимается вверх. Теперь вы знаете принцип устройства воздушного шара.) — Мы поднимаемся на ту высоту, где воздушные потоки движутся в нужном нам направлении.

— Болото с той стороны, — указал мистер Лаллигэг.

Но мистер Таблет, опытный воздухоплаватель, уже давно сориентировался на местности.

— Смотрите! Вон там! — закричал Безумный Дядя Джек, перегибаясь над краем корзины и указывая на что-то пальцем.

— Что там? — спросила Безумная Тетя Мод.

— Куст рябины цвета моего любимого старого сюртука.

— Вот он! Смотри, Малькольм! — Тетя Мод развернула горностаю носом к кусту.

— А не видит ли кто-нибудь Эдди, моего дорогого мальчика? — спросила миссис Диккенс жалобным голосом.

— Пока нет, мадам, — отозвался детектив. — Но... смотрите. Это же катафалк, разрази меня гром!

И в самом деле, прямо под ними стояли — как игрушечные, размером с ноготь, запряженный в спичечный коробок, — две черные лошади и за ними экипаж, брошенный Гавкиным и Эдди, которые двинулись дальше пешком.

— Посмотрите! — взволнованно воскликнула Безумная Тетя Мод, и все переместились на ее сторону корзины. — Эта речка напоминает отсюда извилистую синюю змею, не правда ли?

— Мы ищем не речку, а мальчика и беглого преступника, — напомнил ей мистер Лаллигэг. — Мальчика и преступника.

Тем временем мистер Таблет открыл деревянный ящик, прикрепленный к одной из стенок корзины, и стал собирать сложное устройство, которое он называл камерой.

— Фотографии поимки опасного преступника, грабителя-миллиардера, произведут сенсацию! — пояснил он.

— Сначала надо их найти, — проворчал детектив, но тут же воскликнул: — А вот и они!

Так оно и было. Впереди шел Гавкин, Эдди едва поспевал за ним, продираясь сквозь густые заросли кустарника ростом с них самих. Эдди нес мешок, и — судя по тому, с каким трудом он его волочил, — мистер Лаллигэг пришел к выводу, что в нем были украденные драгоценности.

— Не могли бы вы приземлиться перед ними? — спросил он у Вольфа Таблета.

— Боюсь, как бы мы не стукнулись о землю, но я попробую, — ответил знаменитый фотограф. Он стал колдовать над горелкой, подтянул какие-то канаты, и вскоре воздушный шар действительно пошел на снижение.

— Урааааа! — завопила вдруг Безумная Тетя Мод. — Мы летим, Малькольм! Летим!

Если посадку Даниэллы на розовый куст во дворе Беспросветного Тупика можно было признать удовлетворительной, то это приземление оказалось куда менее удачным. Из всех мест, на которые они могли опуститься, они выбрали (если можно так выразиться) самое неудачное — выступ скалы на склоне хол-

ма. Мало того, что корзина перевернулась вместе с находившимися в ней пассажирами. Беда была в том, что баллон, наполненный горячим воздухом, продолжал волочить ее по земле. Путешественники охали, ахали, фыркали, икали и визжали. Только попав в эту передрагу, они поняли, каково это — быть маленьким нежеланным котенком, которого вместе со всем выводком тащат в мешке из-под угля топить в речке.

Вольф Таблет вцепился в свою драгоценную камеру, чтобы уберечь ее от поломки. Безумная Тетя Мод прижала к груди Малькольма, а Безумный Дядя Джек прижал к груди ее. Детектив Лаллигэг и мистер Диккенс вцепились друг в друга, а миссис Диккенс — в край корзины.

Все они уже успели выбраться из корзины и встать на ноги, когда из-за кустов показался Гавкин. Похоже, он меньше всего ожидал увидеть здесь всю честную компанию. Разинув рот от изумления, преступник застыл на месте.

— Сдавайтесь, Брант, сопротивление бесполезно, — объявил мистер Лаллигэг. — Ведь вы как-никак вор-джентльмен, а не какой-нибудь грабитель с большой дороги. Мы полны решимости вас задержать, и, чтобы унести отсюда ноги,

вам придется застрелить всех нас одного за другим.

Гавкин смерил его оценивающим взглядом.

— Вот мы и встретились снова, Лаллигэг, — сказал он (потому что, насколько я могу судить, гении преступного мира всегда говорят нечто подобное, когда встречаются лицом к лицу с детективом, который преследовал их по пятам). — Я не собираюсь сдаваться. Уж не думаете ли вы, что я подниму руки вверх, чтобы до конца дней гнить в тюремной камере? И я не отдам вам сокровища, ради которых претерпел столько мук!

Он был зол, как изголодавшийся пес, и преисполнен решимости.

— А почему на вас одежда моего сына? — спросил у Гавкина выступивший вперед мистер Диккенс.

Лаллигэг вытянул руку и попытался удержать его за плечо. Но отец Эдди, у которого все еще не восстановился слух после взрыва газа, не имел ни малейшего понятия, кто находится перед ним и что вообще происходит.

Гавкин нащупал револьвер в кармане брюк (да, конечно, это были штаны Эдди) и взвел курок.

— У меня есть к вам предложение, очень простое, — сказал он.

Эдди трудно было поверить, что это тот самый человек, который совсем недавно скулил, как маленький щенок, и облизывал уши Костолому и Гробсу. Неужели облизывание ушей было частью коварного замысла Гавкина (точнее, Бранта) и он отдавал таким образом приказы своим подельникам?

— Я отпускаю мальчишку целым и невредимым, а вы взамен даете мне уйти с драгоценностями, — сказал Гавкин. — Однако, если вы будете меня преследовать, я начну стрелять. По-моему, это более чем справедливо.

Лаллигэг стал обдумывать предложение Гавкина (или притворился, что стал его обдумывать), но в эту самую минуту на сцене появились два новых лица.

— Для начала вам придется кое-что объяснить, — проговорил голос с вершины ближайшего холма. (Или это был приговор? У меня всегда были трудности с употреблением этих слов.) Все повернулись, чтобы посмотреть, кто пришел.

— А, это наш торговец скобяными изделиями! — воскликнул Безумный Дядя Джек.

— Здравствуйте, мистер Коллинз, — махнула ему рукой Безумная Тетя Мод. — Кстати, я пораскинула мозгами и вспомнила, что вы мне нравитесь!

По правде говоря, это был не мистер Коллинз, а Великий Дзуккини. Он прискакал на «позаимствованной» лошади без седла; за его спиной сидела прекрасная Даниэлла, чьи нижние юбки развевались на ветру.

— Как украденные вами драгоценности оказались в моих мешках? — потребовал ответа Дзуккини.

— Даниэлла! — воскликнул Эдди, роняя мешок. — Ты пришла мне помочь!

— Это была идея Гарольда, — отозвалась она. — Он не захотел оставлять тебя с такими, как он, — кивнула она на грабителя-миллиардера Гавкина, или Артура Бранта (если вам так больше нравится).

Гавкин выпрямился во весь свой — очень маленький — рост и посмотрел на эскаполога, продолжая крепко сжимать в кармане револьвер. На его лице отразилось чувство гордости.

— Меня судили, дали срок и посадили в тюрьму, но за это время не нашли ни единой из украденных мной драгоценностей. Они обыскали мой городской дом, загородное поместье и перерыли

половину деревни Гавкино, но остались с носом. (Он не имел в виду, что лица, которые занимались розыском, могли потерять носы; это всего лишь фигура речи, означающая, что кто-то не добился цели.) Они ничего не нашли, потому что я прихватил драгоценности с собой в тюрьму. Сами посудите, кому могло прийти в голову искать их там? Когда мы с Костоломом и Гробсом разработали план побега, я не мог допустить, чтобы меня схватили с драгоценностями. Поэтому, когда вы пришли в тюрьму и заказали для своего представления мешки для песка, я решил наполнить их своими сокровищами...

— Выходит, драгоценности «освободились» раньше вас! — воскликнул Эдди.

— Именно так...

— К чему все эти разговоры? — спросил мистер Диккенс, который видел открывающиеся и закрывающиеся рты, но не расслышал ни слова из того, что было сказано. — Осталось всего несколько страниц до конца последнего эпизода. Теперь нужны действия, а не слова!

Разумеется, никто не понял, что он имел в виду, но у всех зачесались руки — каждому захотелось что-нибудь сделать.

— Я должен сказать вам одну вещь, Брант, — обратился к преступнику Лаллигэг, опустив голову, как разъяренный бык, готовящийся растерзать тореро. — Мой револьвер не заряжен!

Гавкин достал из кармана револьвер, который ранее отнял у Лаллигэга, и — думаю, этот поступок должен быть поставлен ему в заслугу — выстрелил в воздух, а не в приближавшегося к нему детектива (а ведь он мог шарахнуть в него на тот случай, если детектив из агентства Пиклтона солгал и револьвер все-таки был заряжен).

Раздался щелчок — достаточно громкий, чтобы его услышали все (кроме мистера Диккенса, разумеется).

Лаллигэг не солгал: револьвер оказался незаряженным.

Гавкин увернулся от детектива, схватил мешок с драгоценностями, лежавший у ног Эдди (мальчик был настолько ошеломлен скоростью, с какой развивались события, что уступил преступнику без борьбы), и помчался вниз по склону пригорка.

Великий Дзуккини и Даниэлла поскакали за ним на лошади. Безумный Дядя Джек, Еще Более Безумная Тетя Мод и родители Эдди тоже ринулись в погоню, за

ними последовал оправившийся от шока Эдди.

Только Вольф Таблет остался на месте: он устанавливал штатив, чтобы сделать исторические снимки.

— Никому не удастся украсть одежду моего внучатого племянника и уйти безнаказанным! — крикнула Безумная Тетя Мод, которая довольно смутно представляла себе смысл происходящего (например, кто был преступником, а кто детективом, что за история произошла с драгоценностями и в чем суть эскапологии), однако она твердо знала, что негоже мальчику разгуливать по болоту почти голым. Поэтому она метнулась на землю, чтобы схватить металлическую гирю, которую Гавкину, несшему мешок, пришлось теперь волочить за собой.

Если бы кому-нибудь из нас довелось воочию увидеть эту сцену, мы подумали бы, что присутствуем на матче по регби. (К вашему сведению, первый такой матч был проведен в 1820-е годы; игра уже существовала, но ее правила не установились, и мало кто из людей того времени действительно присутствовал на матче по регби.)

Однако это не остановило Гавкина. Он просто продолжал бежать по торфянику,

волоча за собой не только гирю, но и Безумную Тетю Мод.

Когда она нырнула вниз после очередной кочки, Малькольм — или это была Салли? — выскользнул у нее из рук и был ловко подхвачен ее внучатым племянником Эдди, бежавшим рядом.

Мальчик сиял от гордости за свою двоюродную бабушку, которая не побоялась бросить вызов гению преступного мира. Она и его вдохновила на решительные действия.

Короче говоря, Эдди изо всех сил кинул Малькольма в убегающего преступника.

Раздался громкий стук, свидетельствовавший о том, что чучело горноста вступило в прямой контакт с затылком преступника, после чего послышался громкий крик. Гавкин резко остановился, но мешок с драгоценностями продолжал двигаться по инерции: он вылетел из рук грабителя и раскрылся — и все его содержимое высыпалось на землю.

Но это была не просто земля! Сам того не зная, Эдди спас Гавкину жизнь своим метким броском. А может быть, он спас жизнь и многим его преследователям. Ведь они бежали прямо в трясину,

от которой их отделяло всего несколько шагов!

На первый взгляд простиравшаяся перед ними местность выглядела вполне безобидно, практически ничем не отличаясь от окрестного ландшафта: те же мхи и лишайники, кочки да кустики. Однако под ними скрывалась опасная трясина, способная без труда засосать в свои недра стадо рослых диких оленей. Я уж не говорю о маленьком преступнике с большой тяжелой гирей — через пару секунд его бы и след простыл, можете не сомневаться!

— Отличный бросок! — воскликнула Даниэлла.

— Мои драгоценности! — завопил Гавкин, глядя, как они исчезают без следа. — Нееееет! Оооооооооооооо! — Его крик напоминал жалобный вой смертельно раненного шакала.

Эдди снова вспомнил ночь, проведенную в пещере, и подумал: «Возможно, в характере Артура Бранта действительно есть что-то собачье, хотя сам грабитель-миллиардер вряд ли догадывался, что, прикидываясь щенком, он не столько скрывал, сколько обнажал свою натуру».

— Браво, Малькольм! — воскликнула Безумная Тетя Мод, поднимаясь на ноги,

чтобы заполучить обратно своего любимца. Она взяла горностая за хвост и еще раз шарахнула им Гавкина по голове. — Вы плохой человек! — сказала она ему. — Просто бяка!

Мистер Лаллигэг из детективного агентства Пиклтона выступил вперед и надел наручники на поверженного противника. Он не вернул драгоценности законным хозяевам, но поймал преступника.

Эдди огляделся вокруг. Давно уже он не чувствовал себя таким счастливым. Вся семья мальчика пришла ему на помощь. Даже Даниэлла и Великий Дзуккини явились сюда, чтобы его спасти. И это он, Эдди, — правда, не без помощи чучела горностая, которое тоже фактически являлось членом его семьи, — остановил Гавкина. Ему хотелось навсегда запечатлеть этот день в своей памяти. К счастью, не ему одному пришла в голову эта идея.

— Улыбнитесь, пожалуйста! — сказал Вольф Таблет. — И не двигайтесь! Сейчас вылетит птичка.

Последовала яркая вспышка, затем раздался громкий треск, сопровождаемый запахом серы.

Итак, дорогие читатели, мы снова подошли к концу одного из довольно странных приключений Эдди Диккенса. Для тех, кто не любит неопределенности и хочет, чтобы все концы были сведены с концами, добавлю следующее.

Прежде всего вам будет любопытно узнать, что Вольф Таблет так обрадовался, что ему удалось поучаствовать в поимке грабителя-миллиардера и запечатлеть ее на фотографии, что снял все обвинения с Дзуккини и его труппы. Он простил им все: и то, что его связали в номере гостиницы «Протухшая Крыса», и кражу драгоценного воздушного шара. Фотографию, на которой изображен Эдди рядом с Гавкиным в наручниках, и сейчас можно увидеть в Музее Вольфа Таблета где-то на Западе. (Я забыл, в ка-

ком именно городе, и у меня сейчас, как назло, нет при себе путеводителя. Впрочем, я был там и могу вам сообщить, что в этом городе подают очень вкусный кофе со сливками.)

Слух отца Эдди полностью восстановился, а Безумная Тетя Мод исцелилась от всех своих многочисленных болячек и увечий, как то: от ушиба, нанесенного ей падающим воздушным шаром, от синяков и ссадин, полученных в результате того, что сначала ее тащил по кочкам воздушный шар, а затем преступник, в гирю которого она вцепилась.

Безумный Дядя Джек купил себе новый сюртук рябинового цвета.

Рад вам сообщить, что Малькольм остался целым и невредимым после выпавших на его долю испытаний.

Мама Эдди получила обратно свое обручальное кольцо, но только, пожалуйста, не спрашивайте меня, каким образом.

Великий Дзуккини и его эскапологическая труппа исколесила со своими представлениями полстраны, но только после того, как отпраздновала свое освобождение на грандиозной вечеринке, устроенной в Беспросветном Тупике.

Эдди обнаружил, что способен разговаривать с милейшей Даниэллой, не пус-

кая слюни, и что девочки, в конце концов, такие же человеческие существа, как и все мы.

Костолом и другие беглые преступники были через некоторое время схвачены — все, кроме Гробса, который каким-то образом скрылся в неизвестном направлении. Те из вас, которым доведется прочесть третью, и последнюю, книгу этой трилогии, встретятся с ним снова, равно как и с Эдди.

Осталось выяснить еще только одно: у кого Великий Дзуккини и Даниэлла «позаимствовали» лошадь, на которой прискакали на помощь к Эдди? Хозяин этой лошади нашел ее в один прекрасный день у настоятеля церкви святого Ботольфа: она пощипывала травку в его саду. Боюсь, что имя этого человека ничего вам не скажет. Откуда вам его знать? Это был владелец местной скобяной лавки. Его звали мистер Коллинз.

КОНЕЦ

до следующего раза

Содержание

Письмо от автора, который вас любит

3

Итак, мы снова начинаем

5

БАБААААХ!

21

Эй вы там, наверху!

33

Посланица с небес

53

Полицейские и воры

71

Кто поможет Эдди?

93

Люди на болоте

115

Эдди идет на дело

132

Всеобщее освобождение

144

Это щемящее чувство полета

165

Вниманию москвичей!

ЛУЧШИЕ КНИГИ –
ПО ЛУЧШИМ ЦЕНАМ!

СЕТЬ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ
ДЛЯ ВСЕЙ СЕМЬИ

«ЧИТАЙ-ГОРОД»

*Здесь же вы можете приобрести канцтовары,
аудио-, видеопродукцию, игрушки.*

- Книжный салон «ЧИТАЙ-ГОРОД»
м. «Новослободская», м. «Менделеевская»,
ул.Новослободская, д. 21. Тел.: 933-70-77

Книжные магазины «ЧИТАЙ-ГОРОД»:

- м. «Бр Дм. Донского», ул. Старокачаловская, д. 3,
корп. 2. Тел.: 711-01-72
  - м. «Новые Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 43,
корп. 2. Тел.: 332-80-00
  - м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 124. Тел.: 338-88-89
  - м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 5, корп. 1.
Тел.: 110-47-04
  - р-н Котловка, Севастопольский пр-т, д. 15, корп. 1.
Тел.: 123-62-51
  - м. «Южная», ул. Кировоградская, д. 9, корп. 2.
Тел.: 315-48-47
  - м. «Ш. Энтузиастов», шоссе Энтузиастов, д. 60, корп. 1.
Тел.: 176-00-62
- (склад-магазин, большие скидки от суммы покупки)

ЗАКАЖИ ПО ТЕЛЕФОНУ И ПО ПОЧТЕ!

*Издательство «РОСМЭН» предлагает вам
покупать книги, аудиопродукцию,
школьные товары, игрушки
по каталогу
«ЧИТАЙ-ГОРОД».*

**Выбранные вами товары вы
получите по почте
в любой точке России.**

**С помощью каталога вы сможете
заказать подарки любимым
людям и собрать целую
библиотеку, которой будет
пользоваться вся семья.**

**Если вас заинтересовало это предложение,
закажите каталог
«ЧИТАЙ-ГОРОД»,**

прислав открытку или письмо по адресу:

127521, Москва, а/я 42.

«АбсолютПост».

Тел.: (095) 933-41-53.

E-mail: knigi@post.ru

Литературно-художественное издание
ДЛЯ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Серия «Приключения Эдди Диккенса»

АРДА Филип
СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР

Ответственный редактор Т. Н. КУСТОВА
Художественный редактор Н. В. ЧЕЛМАКОВА
Технический редактор М. В. ГАГАРИНА
Корректор Л. А. ЛАЗАРЕВА

*Издание подготовлено компьютерным
центром издательства «РОСМЭН».*

Лиц. изд. ИД № 04933 от 30.05.01.
Подписано к печати 01.09.03. Формат 84x100 $\frac{1}{32}$.
Бум. типогр. № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 9,36. Тираж 10.000 экз.
Заказ № 1673. С — 1331.
ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС».
125124, Москва, а/я 62.
Тел.: (095) 933-70-70.

*Наши клиенты и оптовые покупатели могут оформить заказ,
получить опережающую информацию о планах выхода изданий
и перспективных проектах в Интернете по адресу: www.rosman.ru*

МЕЛКООПТОВЫЙ СКЛАД:
Москва, 1-я ул. Ямского поля, 28 (левое крыло).
Тел.: (095) 257-34-75.

ОТДЕЛ ОПТОВЫХ ПРОДАЖ:
все города России, СНГ: (095) 933-70-73;
Москва и Московская область: (095) 933-70-75.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Арда Ф.

A79 Смертельный номер: /Пер. с англ. И. Н. Фридмана. — М.: ООО «Издательство «РОСМЭН-ПРЕСС», 2003. — 189 с. — (Приключения Эдди Диккенса).

Грандиозный фокус Великого Дзуккини провалился, но стал началом новых смешных приключений Эдди и всех обитателей Беспросветного Тулика.

«Смертельный номер» — вторая книга трилогии об Эдди Диккенсе.

ISBN 5-353-01331-X

ББК 84(4Вел)

